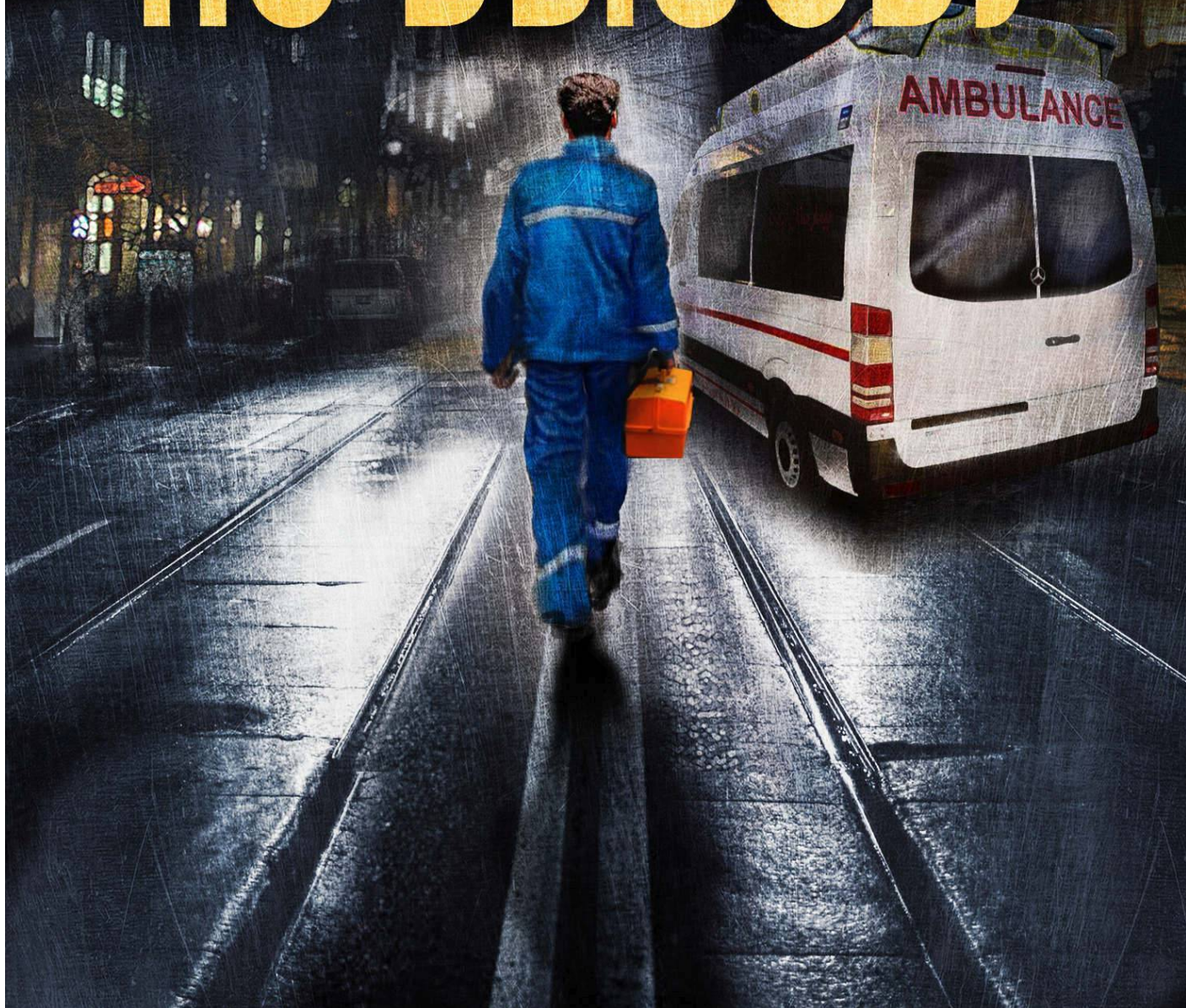

АНДРЕЙ ТРОИЦКИЙ СМЕРТЬ ПО ВЫЗОВУ

Андрей Троицкий
Смерть по вызову

«Андрей Троицкий»

Троицкий А. Б.

Смерть по вызову / А. Б. Троицкий — «Андрей Троицкий»,

Происходит серия жестоких убийств на квартирах больных, вызывавших «Скорую помощь». Подозрение падает на молодого врача Антона Ирошникова, и следователи не сомневаются в его виновности. Его может спасти только чудо или помощь профессионала. И вот к расследованию приступает опер в отставке Егоров...

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	15
Глава 3	22
Глава 4	28
Глава 5	33
Глава 6	40
Глава 7	51
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Андрей Троицкий

Смерть по вызову

Пролог

По дороге с работы домой в холодном вагоне пригородной электрички врач «скорой помощи» Антон Ирошников размышлял о событиях последних дней своей жизни. Было о чем подумать.

Сегодня, едва Ирошников закончил суточное дежурство, во дворе подстанции «скорой» к нему подошли двое в штатском, предъявили документы и попросили проехать с ними в межрайонную прокуратуру. Там Ирошникова продержали там весь день, и спасибо ещё отпустили. Допрашивали в качестве свидетеля по делу об убийстве. Обстоятельства этого дела в общих чертах объяснили.

В прошлое суточное дежурство Ирошникова около часа дня от диспетчера направления поступил вызов, плохо стало с одной старушкой. Врач с водителем приехали на место. Ирошников, работавший один, без фельдшера, неделю как заболевшего, поднялся в квартиру. Дверь старушка сама открыла, провела врача в комнату. Коммунальная берлога, с соседями. У бабушки ишемическая болезнь сердца, стенокардия, в просторечье грудная жаба. К приезду «скорой» ей уже стало лучше. Ирошников снял кардиограмму, поставил горчичник на сердце, сделал укол папаверина и посоветовал вызвать участкового врача. Эта Анна Петровна принимала нитроглицерин, а он действует всего три минуты. Ирошников посоветовал попросить участкового врача выписать нитросарбит, эта штука помогает лучше.

С Анной Петровной они посидели, поговорили минут десять-пятнадцать, пока Ирошников заполнял выездную карточку. Интеллигентная такая бабулька, с манерами. Раньше преподавала в институте сопромат. В комнате много дорогих вещей, мебель ручной работы, старинная. А спальное место только одно, диван. Видимо, жила старушка одиноко.

Ирошников позвонил диспетчеру, сказал, что показаний к госпитализации нет, спросил, можно ли я пообедать. Диспетчер ответил, что вызовов пока не поступало. Рядом с домом этой бабушки троллейбусный парк, там столовая приличная и дешевая. Старушка задала ещё какие-то вопросы, говорила, что вечерами низ спины побаливает, предложила врачу чаю. За стеной Ирошников слышал мужской кашель. Анна Петровна сказала, что сосед кашляет, сейчас он дома, болеет. На том все и кончилось.

Перед уходом Ирошников заметил, что в углу комнаты стоят лыжи, и палки. Кольца с палок были сняты, почему-то эта деталь запомнилась. И лыжам в комнате не место. Такие вещи обычно оставляют в прихожей или на балконе. Еще он подумал: чьи это лыжи? Не сама же старуха с больным сердцем катается?

Ирошников откланялся и ушел. Потом врач с водителем пообедали в столовой троллейбусного парка. Когда обед заканчивали, мультитон, биппер размером с сигаретную пачку, запищал, загорелась лампочка. Значит, нужно связаться с диспетчером, есть работа. Ирошников допил компот, вернулся к машине и по рации переговорил с подстанцией. Подошел водитель, и они поехали на следующий вызов. Через час Ирошников забыл, что эта Анна Петровна живет на свете. Пока в прокуратуре не напомнили.

Да, напомнили...

Анна Петровна лежала спиной на диване. Может, думала о чем-то приятном, может, молодость вспоминала, может, решала, идти в булочную прямо сейчас или отложить поход до вечера. Это доподлинно не известно, то есть о чем она думала. Возможно ни о чем, просто забылась дремотой. Известно только, что она лежала спиной на диване. И тут кто-то подошел к

бывшей преподавательнице сопромата. Подошел и проткнул ей печень лыжной палкой: острие палки вышло у Анны Петровны из спины. А потом этот человек вырвал из её ушей сережки. Старуха осталась жива. Лежала с палкой в животе и смотрела, что вокруг неё происходит. С такой раной она могла прожить ещё часа четыре. Молодые дольше живут.

Но этот человек вытащил палку из печени и ударил снова. Второй раз он воткнул палку чуть выше лобка, на уровне двенадцатого грудного позвонка, и повредил брюшную артерию. Это уже верный конец. Артерия толщиной с большой палец, можно истечь кровью всего за несколько минут. Профессиональный удар, в яблочко. Убийца взял какие-то вещи и ушел из квартиры. Но старушка оказалась довольно крепкой, даром что сердечница. У неё хватило сил вытащить лыжную палку из собственного живота. Она скатилась с дивана и даже доползла до двери своей комнаты. Там, прямо под дверью, и умерла, Богу душу отдала. Печальный факт. Царство ей небесное.

А тот мужик, что в присутствии Ирошникова все кашлял в соседней комнате, сосед, отправился в туалет. Шел по коридору, впотьмах поскользнулся в луже крови и шлепнулся на пол. Можно представить его физиономию. Сидит в этой луже, пучит глаза и никак не может понять, что произошло. Если он в крови испачкан и рассказывает в прокуратуре, что якобы поскользнулся и упал в лужу – его рук дело, тут и гадать нечего. Сосед старуху порешил. Скорее всего, прокурор уже ордер выписал на этого гаврика. Ирошников даже поделился своей догадкой со следователем. Но следователь лишь отрицательно покачал головой.

Следователь сказал, что этот мужик инвалид доходной, после прободения язвы ему пол-желудка оттяпали. Значит, весит он немного, и силы большой у него нет. А тут человека дважды насквозь палкой проткнули. Для такого дела нужно или вес иметь соответствующий, чтобы его в удар вложить, или большую физическую силу. Он, Ирошников, старуху не убивал, значит, действовало третье, пока не установленное лицо, или сосед. Математика простая.

По идее, на прицеле у следствия остается Ирошников или ещё кто-то, неизвестный. Неизвестного могут вообще не искать, а полностью сосредоточиться на враче «скорой». Слава Богу, Ирошников не прикасался руками к этим лыжным палкам. Если бы на ней остались пальцы, возможно, он уже привыкал к баланде в СИЗО. Если бы нашли пальцы, от него уже не отмотались. Хотя и сейчас не отмотаются. Милиция сработала четко, быстро вычислила Ирошникова. Сколько в Москве бригад «скорой», а его на третьи сутки нашли.

Видимо, милиционеры опросили жильцов и выяснили это обстоятельство, что врачи приезжали. Потом составили письменный запрос на имя Генерального директора объединения «Скорая помощь». Запрос с печатью и подписью прокурора, потому что такие справки просто так не дают. Есть такой отдел статистики «Скорой помощи», там фамилию Анны Петровны внесли в компьютер. Через час можно справку в дело подшивать, уже известно, кто выезжал на вызов покойницы. И мышеловка захлопнулась.

Во время разговора в прокуратуре на столе у следователя уже лежала копия выездной карты, той самой, что Ирошников заполнял на Анну Петровну. Значит, прокуратуре знают абсолютно все. Кроме одного: имени убийца. Впрочем, можно и самому построить некоторые версии происшедшего. Может, внук у старухи какой-нибудь лыжник, спортсмен, ведет здоровый образ жизни, следит за фигурой, как это сейчас модно. Оставляет у неё спортивный инвентарь. И захотел, скажем, парнишка своей девушке или невесте бабкины сережки подарить. А бабка не дает, говорит, помру – все ваше будет. Мол, ждите, терпения наберитесь. А парень молодой, горячий, одно слово – физкультурник. Кровь закипела: не отдашь по-хорошему, тогда получи, старая крыса, ведьма... Люди ведь разные, случится, и за копейку удавят.

А может, внучка пристала к старушке: бабуля, милая, подари сережки, они мне под цвет глаз подходят. А Анна Петровна ни в какую: это память сердца, последнее, что от дедушки покойного у меня осталось. Внучка тоже горячая, кипятком... Хвать за палку. А может, из-за

жилплощади сыр-бор, а сережки из ушей вырвали, чтобы инсценировать ограбление. Версий может быть вагон с тележкой.

Тут и думать нечего, прокурорская машина пришла в действие, образно говоря, крутятся шестерни, и валы. Ее не остановишь, пока не закончится производственный цикл. От воли и желания отдельно взятого человека теперь ничего не зависит. Опустит голову и подчиняйся. Только не вздумай выкинуть какую глупость, податься в бега, например. Вешаться и топиться, тоже не следует. Разберутся, в конце концов...

Но если поразмыслить, у Ирошникова нет мотивов. Впрочем, мотивы и всю прочую лирику можно оставить киношникам. Такие убийства происходят спонтанно, совершаются под влиянием настроения, минутного затмения. Если бы убийца готовился к преступлению тщательно, все высчитал и взвесил, то наверняка не воспользовался бы какой-то дурацкой лыжной палкой. Эта палка просто ему под руку подвернулась. Не стояли бы в комнате лыжи, может, старуха осталась жива. Это обстоятельство следствие должно обязательно учесть. А пока нет других кандидатов, следовательно будет плотно работать с Ирошниковым. Вот в кармане повестка на послезавтра. Ирошников похлопал себя ладонью по груди. За него взялись основательно. А если ещё не взялись, то обязательно возьмутся. Все ещё впереди.

...Ирошников очнулся от тяжелых мыслей, тряхнул головой, почувствовав, что электричка замедляет ход, уставился в темное окно, но ничего не увидел за грязными, схваченными морозным узором стеклами, только несколько расплывчатых огоньков вдалеке. Осмотрев почти пустой вагон, освещенный горящими в полнакала лампами, Ирошников обернулся к женщине на заднем сиденье и спросил, что за остановка. Услышав ответ, он подхватил в руки портфель и бросился сперва в тамбур, потом к дверям, уже готовым захлопнуться.

Глава 1

Крупный московский бизнесмен, хозяин казино и ресторана «Золотой тюлень» Юрий Сергеевич Романов нарисовал кружок на чистом листе бумаги, склонился над письменным столом, покусывая кончик ручки. Потратив пару минут на разглядывание нарисованного круга, он, чтобы чем-то занять беспокойные руки, раскрыл картонную коробочку, высыпал пригоршню конторских скрепок и принялся мастерить из них цепь, цепляя одну скрепку за другую. Отложив это быстро надоевшие занятие, Романов снова взял ручку, поставив в центре круга буквы. А. Р., инициалы главного бухгалтера ресторана «Золотой тюлень» Аркадия Семеновича Розова. Неплохо бы восстановить, хотя бы приблизительно, очередность, порядок событий. Романов тронул пальцем сплетенную из скрепок цепь.

Последовательность событий...

Итак, второго числа нынешнего месяца бухгалтер Розов весь день находился на рабочем месте, в тесной комнатке на втором административном этаже здания ресторана. В углу листка Романов начертил цифру два. Розов даже пообедать с сотрудниками не вышел, попросил, чтобы второе блюдо и кофе принесли ему в кабинет. В пятом часу вечера у Розова был посетитель, никому незнакомый мужчина. Этот мужик вошел со служебного входа, сказав дежурному охраннику, к кому направляется. Тот позвонил бухгалтеру, убедившись, что посетитель действительно к Розову, пропустил. Мужчина средних лет, без шапки, в сером ратиновом пальто, в руках портфель. Посетитель покинул кабинет бухгалтера тем же маршрутом минут через сорок. Так утверждает охранник. Все, другие посетители в тот день не появлялись.

Сам Аркадий Семенович, обычно засиживающийся на работе допоздна, ушел в семь вечера, может, чуть раньше. Другой охранник, сменивший первого, рассказывает, что в руках Розова ничего не было, ни папки, ни портфеля. Аркадий Семенович, как всегда отменно любезный, приподнял шляпу, попрощался и исчез.

На следующий день, когда он не вышел на работу, Розова никто не хватился. Кому нужен бухгалтер в самом начале месяца? И на следующий день, хотя кабинет Розова оставался на замке, никто всерьез не побеспокоился. Только директор ресторана Пименов позвонил бухгалтеру домой в середине дня, но услышал лишь длинные гудки на другом конце провода. Так, это четвертое число, Романов сделал пометку на листке бумаги. Если Розов вздумал бежать, то время выбрал удачное. Следом подошли выходные, и о бухгалтере забыли до понедельника. И только во вторник зачесались по-настоящему.

Но Розова уже нигде не было, ни в его двухкомнатной квартире в районе Таганской площади, ни у брата, живущего где-то в районе новостроек. Да что там Розов, тут и жалеть не о чем, обычный бухгалтер, каких много. Плохо другое: вместе с Розовым исчезли учредительные документы частного предприятия «Золотой тюлень». Но и документов не сразу хватились...

– Скотина, тварь поганая этот Розов.

Романов встал с кресла, прошелся по кабинету. Продался, как Иуда. И чего только человеку не хватало? Хорошее жалование, устроенный быт, спокойная жизнь. Конечно, Ему хорошо заплатили. Но что деньги в сравнении с теми неприятностями, которые он навлек на свою плешивую безмозглую башку? Он и тратить свои деньги станет с опаской, оглядкой, станет трястись от каждого шороха, звонка в дверь, где бы ни жил, где бы ни прятался. И во имя чего обрекать себя на такие муки? Деньги того страха не стоят. И, тем не менее, Розов пошел на эту крайность. Украл документы и скрылся.

Но это ещё далеко не все. Оказалось, за месяц до своего бегства сукин сын подал в Московскую регистрационную палату заявку о внесении изменений в устав «Золотого тюленя». Предварительно отнес документы на подпись партнеру Романова и совладельцу ресторана аме-

риканцу Майклу Волкеру, знающему по-русски полтора десятка слов, половину из которых – матерные. А тот завизировал бумаги, даже не поинтересовавшись их содержанием.

Через неделю после исчезновения Розова в «Золотой тюлень» пришли двое сумеречных мужиков, предъявили адвокатские удостоверения и доверенность от фирмы «Моя малая родина». Директор ресторана Пименов принял посетителей в своем кабинете, где адвокаты ознакомили его с новым уставом ресторана «Золотой Тюлень». Если бы Пименов не сидел в кресле, он наверняка бы рухнул на пол. По новому уставу «Золотой тюлень» больше не принадлежит ни Романову, ни Майклу Волкеру, а является собственностью «Моей малой родины». Смысл бумаги дошел до Пименова лишь после её третьего прочтения. Посетители предложили директору вместе с персоналом ресторана немедленно покинуть помещение, в противном случае обещали вернуться вместе с милицией и очистить ресторан силой. Только тогда кинулись искать учредительные документы «Золотого тюленя». Но не нашли даже копий.

У Пименова хватило ума вызвать адвоката Максименкова. После пустых длительных переговоров представители «Моей малой родины» ушли, но свое обещание сдержали. Милиция появилась уже на следующий день, в административном помещении провели обыск, видимо, искали наркотики или оружие, но так ничего и не обнаружили. Милиционеры выслушали объяснения Пименова и удалились. Ресторан пришлось закрыть до того времени, когда конфликт будет как-то разрешен.

* * *

Романов прошелся по кабинету в десятый раз, снова занял место за столом, скомкал лист бумаги и бросил белый шар в мусорную корзину. Свинство, глупость, какая. И виновного, как всегда, не найти. Ну, Розов – это стрелочник несчастный, исполнитель. Ну, Майкл Волкер, матерщину он сумел выучить, а двух приличных слов не свяжет. Господи, с какими дураками приходится работать. Романов потер виски кончиками пальцев. И ещё эта «Моя малая родина». Откуда только взялись эти аферисты? Романов нажал кнопку селекторной связи с секретарем.

– Волкер в приемной?

– Да, мистер Волкер ждут вас, – чуть дребезжащий голос секретаря казался слишком возбужденным. – Мистер Волкер волнуются.

– Раньше надо было волноваться, когда подписывал всю эту, – Романов выругался. – А Максименков там?

– Ждет, уже давно, – в селекторном устройстве что-то щелкнуло. – Можно их приглашать?

– Приглашайте, – сказал Романов.

Меньше всего сейчас хотелось видеть самодовольную физиономию Волкера. Этот болван даже не чувствует собственной вины. Романов встал из-за стола, чтобы встретить гостей. Первой вошла переводчица Волкера Катя, кажется, имевшая серьезные виды на своего патрона. За ней проследовал сам Волкер. Последним в кабинет вошел адвокат Максименков, хозяин основанной на деньги Романова юридической конторы «Максименков и компаньоны».

Волкер с переводчицей заняли двухместный диванчик у стены. Максименков, тяжело переваливаясь на ходу, добрался до кресла за журнальным столиком, засопел, устраиваясь в нем. Романов, всегда начинавший разговор с юристом вопросом, на сколько грамм тому удалось похудеть за последнюю неделю, на этот раз от старой шутки воздержался. В борьбе с собственным весом Максименков давно потерпел поражение, но капитулировать окончательно не хотел и все мучил себя какими-то диетами. Романов сел в кресло напротив Максименкова, расстегнувшего на коленях тонкую папку и выудившего из неё какие-то бумаги.

– Что-то у вас, Юрий Сергеевич, вид усталый, больной какой-то вид, – Максименков внимательно посмотрел на Романова.

– Спасибо за комплимент.

Романов подумал, что у адвоката вид такой, будто он только что съел мешок зефира. Днями на людях себя голодом морит, а ночами, небось, опустошает трех камерный холодильник, – решил Романов, – рубает впотьмах все подряд, все, что ни попади. Сейчас спроси его, чем порадует, так он ответит, что радовать особенно нечем.

– Ну, так чем вы меня порадуете? – спросил Романов и предложил юристу сигарету.

Максименков отрицательно покачал головой.

– Нечем вас сегодня порадовать, – сказал он.

Романову стало скучно. То ли от Максименкова флюиды исходят, то ли словарный запас юриста весьма ограничен, и наперед всегда известно, что он скажет. Вот и сейчас заглянет в свои бумаги, достанет ручку и нарисует в документе какую-нибудь козявку, а потом с умным видом заявит, что он обратился в арбитраж. Спрашивается, куда ему ещё обращаться? Только в арбитраж, туда он дорогу знает. Романов перестал слушать адвоката, загородив пол-лица ладонью, стал украдкой разглядывать коленки переводчицы, похожие на два билиардных шара, отливающих под тонкими капроновыми чулочками благородной старинной желтизной.

– Само собой, я составил заявление в Московский арбитражный суд, – сказал Максименков. – Нужно это завизировать, – он ткнул пальцем в бумагу. – Это иск к Московской регистрационной палате. Мы требуем признать новый устав «Золотого тюленя» недействительным.

Романов решил, что коленки у переводчицы хотя и круглые, вообще симпатичные, но слишком уж желтые, костяные какие-то. А Максименков, как всегда, в своем репертуаре, он слишком предсказуем, не по-человечески деловит и сух. Однажды в доверительной беседе Романов рассказал Максименкову о том, что дочь Лена сожгла свои юношеские стихи в камине на даче. Сперва изорвала тетрадку в мелкую лапшу, а потом вывалила бумажные ошметки из корзины в огонь. Когда Романов спросил Лену, что та бросила в камин, она просто ответила: свои стихи. Романов только руками всплеснул, стихи дочери ему нравились. Когда Романов поведал грустную историю юристу, Максименков несколько раз взмахнул длинными ресницами, посмотрел на Романова с грустным, коровьим выражением лица. «А вы знаете, – изрек Максименков, – ведь рукописи не горят». И что возьмешь с человека, голова которого плотно забита словесными штампами на все случаи жизни?

– Одновременно следует направить в милицию заявление о возбуждении уголовного дела по факту мошенничества, а также хищения учредительных документов, – продолжал Максименков ровным голосом.

Переводчица Катя, поднеся губы к самому уху Волкера, шептала слова юриста по-английски. Со стороны казалось, Катя шепчет в ухо милому уверения в своей любви и преданности.

– Тут усматриваются признаки статьи сто пятьдесят девятой части третьей – гудел Максименков. – Мошенничество, причинившее значительный ущерб потерпевшему. Санкция – от пяти до десяти лет с конфискацией имущества. А также признаки статьи сто шестьдесят пятой части третьей. Санкция – лишение свободы от двух до пяти лет. Можно также...

– Ладно, Лев Петрович, лучше все это не разжевывать, – махнул рукой Романов. – Заявления составил? Давай я подпишу, и мистер Волкер тоже. Он любит всякие бумаги подписывать, – Романов посмотрел на Волкера тяжелым мутным взглядом. – Хлебом его не корми, дай только где-нибудь расписаться. Это можно не переводить, – обратился он к переводчице.

Романов подвинул к себе бумаги, прочитал и подписал заявления, передал их американцу.

– Сколько времени уйдет на рассмотрении иска в арбитражном суде?

– Трудно сказать, – адвокат пожал круглыми плечами. – Суды завалены всякой макулатурой. Думаю, месяца два, это в лучшем случае.

– Значит, ресторан придется все это время не открывать, – подумал вслух Романов, быстро подсчитав приблизительные убытки, огласил сумму. – Это только прямые издержки. Будут и косвенные, клиенты разбегутся. Значит, умножаем на три. Переведи, пусть Майкл знает.

Катя перевела дословно.

– Мать-перемать, – сказал Волкер по-русски и захлопал глазами. – Вот именно, мать-перемать, – согласился Романов. – Пусть подписывает бумаги. Переведи ему заявления и пусть подписывает. Разорюсь я с такими компаньонами. Это не переводит.

– Постараемся как-то поторопить события, – сказал Максименков. – Но к арбитражам сложно найти подход, чтобы попросить о маленькой услуге, вполне законной. Там такие люди работают, специфические, честные до неприличия. Настоящие динозавры.

– В любом деле, даже таком тухлом, как наше дело, нужны, простите за банальность, нетрадиционные подходы, – Романов взял со столика пачку сигарет. – Собственно, как и в любом другом деле. Вот дочь моя учат английский язык. Хотела съездить в Штаты на пару месяцев, поэтому учит язык. Переведи это Майклу. Могла бы запросто разговорником обойтись, но она учит язык. Хотя в институте у неё французский, – Романов подумал, что съездить этим летом в Америку дочь не сможет, и на минуту замолчал.

– И что английский, дается ей? – прервал молчание Максименков.

– Дается, не в этом дело, – Романов вытащил из пачки сигарету. – Лена записалась в экспериментальную группу изучения английского языка под водой. Приходят они в одно заведение, так, бассейн, похожий на колодец. На них надевают водолазные костюмы, тяжелые, настоящие, и опускают на глубину десять метров. Говорят: отрешитесь от всего земного, оставьте все ваши проблемы на поверхности, есть только вы и английский язык. Опускают их на глубину, а там темнотища, никакой подсветки, ничего человеческого не отвлекает. Я сам спустился из интереса. Инструктор там приятный мужик, все мне показал. Опустил меня вниз, а из наушников, вмонтированных в скафандр, – Романов постучал себя костяшками пальцев по голове, – идет английская речь и перевод. И все это дело сопровождает тихая музыка. И так сорок пять минут.

– Чего удумали, – Максименков выпятил нижнюю губу.

Романов, увлеченный собственным рассказом, замахал в воздухе не зажженной сигаретой, как дирижер палочкой.

– Позже к ним на глубину станет и преподаватель спускаться. Будут там, в воде, беседовать, даже писать на специальной доске. Грандиозно, гениально. Вот до чего люди додумались. Вот это я и называю нетрадиционным подходом. Лена, которую на обычные занятия палкой нужно гнать, туда летает птичкой. А мы к каким-то арбитражам подход не можем найти. Да и инструктор этот, бывший водолаз, очень приятный мужик. Проводит с девочками разминку, инструктаж перед погружением. Опытный человек, – Романов остановил рассказ

Сигарета в его руке так и осталась не прикуренной. Да, интересно, почему это к институтским занятиям почти полная индифферентность, а на эти дурацкие подводные занятия она птичкой, птичкой. И этот подозрительный инструктор, как там его, Артем, кажется. Романов постарался хорошенько вспомнить инструктора. Вертлявый мелкий мужичонка с угодливой улыбочкой в серебристом космическом трико, плотно облегающем короткие кривые ноги. Неужели это он? Неужели Лена забеременела от него? Романов порывисто поднялся с кресла, отошел к окну и сел на подоконник. Точно, инструктор. Иначе чего это он вдруг перед Романовым на цирлах бегал? Точно, он. Сука, тварь.

Но что же Лена нашла в этом ничтожестве? Утопить его в этом бассейне – и точка. Романов смотрел на свои длинные ухоженные пальцы, непроизвольно сжавшиеся в тяжелые кулаки. Изучение языка под водой... Другие науки они там, в этом грязном отстойнике, проходили, совсем другие. Ведь он, отец, сам советовал: изучай язык, дочка. И вот они, цветочки. Боже,

этот комик, клоун несчастный, водолаз. Что же женщина может разглядеть в этом ничтожестве, какую изюминку?

Сними с этого Ихтиандра его блестящее трико, на кого, спрашивается, он будет похож? Обезьяна, мелкая, похотливая обезьяна. Персонаж из зоопарка. Ленка, она совсем ещё ребенок. Видимо, ни она одна стала добычей водолаза. Романов потрянул головой. Конечно, эту догадку нужно ещё проверить. Может, не все так плохо. К тому же у Ленки врожденное чувство брезгливости. Не станет она с этим... Романов отошел к письменному столу, взял зажигалку, собираясь прикурить, но тут заметил, что сигарета сломана пополам. Он бросил сигарету в корзину, вернулся к журнальному столику и сел напротив Максименкова. В глазах адвоката читалось недоумение и легкая тревога. – Я чувствую, что зверею, – ответил Романов то ли адвокату, то ли самому себе. – Сатанею просто. Одно свинство вокруг, сволочизм один, – он посмотрел на переводчицу. – Это ему не переводит, не так поймет. Хотя пусть понимает, как хочет.

Романов взял из рук переводчицы подписанные Волкером бумаги, передал их Максименкову.

– Наведите, Лев Петрович, справки, – сказал Романов. – Постарайтесь узнать, что это за «Моя малая родина», откуда это дерьмо всплыло. Да, а наш бухгалтер Розов оказался малый не промах. Никогда бы не подумал, что он на такое способен. Тишайший человек. Замкнутый, весь в себе. И непьющий к тому же – вот это настораживает, должно было насторожить. Одно только это.

– Действительно, это подозрительно, – согласился Максименков. – Поймите правильно, я не за пьянство. Если человек пьет горькую, ну, какой из него работник, бухгалтер тем более? Но выпить в родном коллективе сто пятьдесят наркомовских – святое дело. Не люблю таких людей. Первосортная сволочюга.

Максименков спрятал бумаги в папку.

– Да, вот и пойми, чего ждать от людей, – сказал Романов. – Боюсь, Розова искать уже бесполезно. Торчит он сейчас где-нибудь в кабаке на Брайтон-Бич, пьет минералку и посмеивается. – Скорее всего, этот Розов не на Брайтон-Бич сидит, а кверху брюхом в какой-нибудь речке плавает, – веско заявил Максименков и покосился на иностранца. Волкер заулыбался, что-то сказал переводчице.

– Мистер Волкер спрашивает, может, у этого бухгалтера не все дома? – Катя нарисовала на своей мордашке извинительную улыбку.

– Так что же, выходит, самого мистера Волкера любой дурак способен обмануть? – съязвил Романов.

* * *

– Я бы хотел уволить этих людей.

Новый начальник службы безопасности Игорь Егоров вытащил из внутреннего кармана пиджака и передал Романову сложенный вдвое листок с десятком фамилий.

– Я хотел бы уволить ещё столько же. Но пока не могу, заменить нечем.

Романов взял листок, пробежал глазами список и отложил бумагу в сторону.

– Мне фамилии охранников мало что говорят. Но я не из тех руководителей, что помнят по имени отчеству каждую уборщицу и со всеми здороваются за руку. Сотрудников службы безопасности нанимал ваш предшественник. Ясно, как на такую работу люди попадают. С кем-то в милиции вместе служили, с кем-то водку пили.

– Так я могу уволить хотя бы этих? – спросил Егоров.

– Безусловно, – кивнул Романов. – Выгоняйте кого хотите. Подбирайте себе толковых парней. Теперь, что с этим чертовым бухгалтером, с Розовым этим?

– Пока устанавливаем его связи, – ответил Егоров. – Но пока у нас слишком мало данных, чтобы начать его активные поиски, – Егоров раскрыл лежавшую перед ним на столе тонкую папочку. – Родители Розова умерли, последним отец. Еще пять лет назад. Из близких родственников только брат и сестра. Брат старше на два года, живет и работает в Москве. Заместитель директора крупного продовольственного магазина, в настоящее время разведен. Сейчас наши люди за Розовым-старшим присматривают. Сестра же проживает под Москвой. В настоящее время не работает, уволена по сокращению штатов с аккумуляторного завода. По моим данным, Розов не объявлялся ни у сестры, ни у брата. Понимает, что может причинить неприятности родственникам, не хочет их подставлять.

– «Золотой тюлень» потерял свою репутацию. Идут разговоры, что я работаю под криминальной крышей, а теперь у меня конфликт с бандитами, за долги они требуют ресторан. Вот, что про меня говорят. Какой уважающий себя человек пойдет в кабак с такой репутацией? – спросил Романов Егорова, но ответил сам. – Никто не пойдет. Я убытки прикинул, волосы на ногах дыбом встали. И не только на ногах. Но деньги дело наживное. Вот репутация, да, её за неделю-другую не восстановишь.

Как только речь заходила о Розове, Романов начинал злиться, не мог, и уже не хотел сдерживать себя. Конечно, Егоров мужик дельный, всего-то десять дней назад принял запущенные дела, и пока нового начальника службы безопасности не в чем упрекнуть. Он не Бог, а человек, ему нужно время, чтобы разобраться, найти концы и выйти на след Розова. На все нужно время, на любой плевок, а Егоров уже успел кое-что накопать. Есть с чего начать.

– Сеть должна быть закинутой, а уж кто попадет, время покажет, – Романов откашлялся, сплюнул табачную мокроту в корзину для бумаг. – Верю, что дела у нас пойдут, то есть, что Розова, тварь эту, суку, вы вычислите, – тут Романов не ко времени вспомнил самодовольную физиономию своего компаньона по ресторану «Золотой тюлень» Майкла Волкера и оборвал свою речь. – Волкера вы, конечно, знаете?

– Видел в вашей приемной.

– До Волкера нужно довести такую мысль, – Романов допил кофе и отодвинул пустую чашку на угол стола. – Он должен понять, что Москва опасный город. Во всех отношениях. Если ты ставишь свою подпись под документом, должен хотя бы соображать, что подписываешь. А то так можно смертный приговор себе подписать и не заметить. Но если не соображаешь, а переводчицу используешь по другому назначению – это твои проблемы. А то насрал на голову себе и, главное, мне – и ничего. Как с гуся вода. В свое время Волкер крупно вложился в этот ресторан, но больше участвовать в прибыли он не будет. Так я решил. А Москва – опасный город, и таких вещей здесь не прощают. После скандала с Розовым я потребовал от Волкера, чтобы он переуступил мне свою долю. За хорошие деньги. Он не хочет.

Егоров молча кивнул головой.

– Если человек не понимает язык слов, – Романов поднял вверх ладонь и, держа её перед глазами, пошевелил пальцами. – Значит, нужны иные аргументы. Волкера охраняют двое таких дурковатых парней из вашей службы. Положим, они задержались с обеда или торопились вечером и не проводили Волкера до квартиры, короче, облажались. А с фирмачом случились неприятности, ну, скажем, хулиганы на него напали. Какие-то отбросы общества попытались ограбить иностранца. Очень даже распространенное явление. Он, правда, переводчицу везде с собой таскает. Но может так случиться, что на них двоих нападут. Охранников после этого инцидента сразу с работы уволить, – Романов подмигнул Егорову. – А Волкера хулиганы могут отделать по полной программе, но не увечить.

– Понял вас.

– Теперь о моей дочери. Лена – девочка своеобразная. Ее мать умерла, когда Лене только двенадцать исполнилось. Может, я её избаловал. Она рано узнала, что такое самостоятель-

ность, независимость, купленная на отцовские деньги. И не любит, когда близкие вмешиваются в её проблемы.

– Понимаю, – на лице Егорова появилось некое подобие улыбки. – Вечный конфликт.

– Как мне стало известно, Лена на четвертом месяце беременности и твердо намерена рожать. Но имя отца она раскрывать мне не хочет. Короче, попытайтесь очень осторожно узнать, кто же станет отцом моего внука или внучки. Только не засветитесь. Я обещал Лене, что ничего не стану выяснять. С будущим отцом я хочу поговорить по-хорошему, один на один. Лена живет одна уже три года. Такой у нас был давнишний уговор: как только ей исполнится восемнадцать, мы станем жить отдельно друга от друга. На совершеннолетие я подарил дочери однокомнатную квартиру. Еще в начале прошлого года она романилась с одним парнем из своего института, позже они побили горшки. На смену студенту появился начинающий исполнитель эстрадных песен, который возмнил себя вторым Элвисом. Не парень, а настоящий кусок дерьма, отрывка отечественной эстрады. С ним у Лены, к счастью, все быстро кончилось.

Романов потушил короткий окурочек в пепельнице. Выдвинув ящик письменного стола, он пошарил рукой в его чреве, вытащил связку ключей, надел на палец стальное колечко, сделал кистью несколько круговых движений. На отрывном листочке Романов чирикнул несколько строк, перегнувшись через стол, передал бумажку и ключи Егорову.

– Это адрес Лены и ключи от её квартиры, – сказал он. – Возможно, какие-то концы вы найдете именно там. Возможно, следует послушать её телефонные разговоры. Решать вам. Обычно Лена выходит из дома около девяти утра. Институт, библиотека, занятия на этих подводных курсах через день, обедает в городе, где придется. А вечера проводит по своему усмотрению. И так почти каждый день. Домработница появляется в Лениной квартире по понедельникам и четвергам с утра.

– О существовании этого экземпляра ключей ваша дочь, разумеется, не знает? – Егоров сунул бумажку в карман, ключи тоже убрал с глаз долой.

– Разумеется, – улыбнулся Романов.

– Вы облегчили мою задачу, – Егоров улыбнулся в ответ.

Глава 2

В тесном кабинете старшего следователя межрайонной прокуратуры Геннадия Ивановича Владыкина было так жарко, что у вошедшего с мороза Ирошников маковым цветом расцвели щеки и уши. Пристроив на вешалке свою куртку и заметив приглашающий жест Владыкина, Ирошников присел на жесткий стул с прямой спинкой и осмотрел убогую обстановку уже знакомого кабинета. Пара конторских столов с облезшей по углам полировкой, сейф в человеческий рост, застекленный шкаф с занавешенными шторками. Сказав «минуточку», Владыкин продолжил писать какую-то бумажку, низко склонившись над столом.

От нечего делать Ирошников поднял голову, стал разглядывать высокий сводчатый потолок, покрытый ржавыми пятнами протечек, похожими на старинные географические карты. Солнечный свет, пробивавшийся сквозь пыльные окна, выходящие на проезжую улицу, падал на письменный стол, на седые, коротко стриженные волосы Владыкина, но, похоже, слишком яркое освещение ничуть не мешало старшему следователю. Наконец, Владыкин поставил точку, облегченно вздохнул и, сложив бумажку вдвое, запечатал в конверт, промокнув кончиком языка клеевую полосу.

– Что, много бумажной работы? – сочувственно спросил Ирошников, которому на своей работе тяжело приходилось от лишней писанины.

– Это не работа, – Владыкин корявым размашистым подчерком стал надписывать конверт. – Письмо жене написал, Любаше. Она в деревне у стариков своих, а телефонной связи с ними нет. Вот пишу письма, хотя не мастак по этой лирической части. Жив, здоров и точка.

Ирошников хотел спросить, по какой части Владыкин мастак, но ничего не спросил, решив, что острить здесь положено только следователю, вынул из кармана паспорт и повестку протянул их Владыкину. Тот убрал повестку в ящик стола, а паспорт, не раскрывая, вернул владельцу.

– Жара у нас, топят прямо страсть, – Владыкин вытащил из папки бланк дополнительного допроса свидетеля, положил перед собой и снял волосок, прилипший к кончику перьевой ручки. – Всю зиму так мучаемся с этим отоплением, прямо чистая баня. Радиаторы как огонь. Ладно, давайте к делу, – лицо Владыкина сделалось скучным, он снова близко склонился над бумагой. – Так, данные о личности свидетеля в деле имеются. Теперь разъясняю вам, что согласно статьям 73-74 УПК вы можете быть допрошены о любых обстоятельствах, подлежащих установлению по делу, и обязаны давать правдивые показания. То есть сообщать все, известное по делу, и отвечать на поставленные вопросы. Предупреждаю вас также об ответственности по соответствующей статье за дачу заведомо ложных показаний. Номера статей я называю старые, поскольку новых протокольных бланков не напечатали. Вот здесь распишитесь.

Владыкин передвинул бланк протокола ближе к Ирошникову, протянул ручку.

– Меня уже предупреждали об ответственности прошлый раз, – Ирошников достал из кармана ручку «Вотермен», малахитового цвета с золотым пером и инициалами А. И. на корпусе.

– Таков порядок, – Владыкин глубоко зевнул. – Разъясняю также, что звукозаписи при допросе производиться не будет. Во-первых, в этом нет необходимости, во-вторых, месяц как диктофон сломался, – Владыкин снова зевнул, так сладко, что Ирошникову на жестком неудобном стуле захотелось забыться сном мертвой царевны. – После дачи показаний в соответствии со статьей 160 УПК вы имеете право написать их собственноручно своей прекрасной малахитовой ручкой с инициалами. И еще: ознакомьтесь с протоколом и требовать его дополнения, внесения поправок и всего, чего сочтете нужным

Показалось, следователь снова зевнет, Ирошников отвернулся.

– Полночи проторчали на месте происшествия, – словно извиняясь за зевоту, сказал Владыкин. – Один мужик, на ночь глядя, собрался за бутылкой, а когда возвращался домой, в подъезде ему проломили голову молотком. Добыча, то есть литровая бутылка водки, убийце не досталась. Разбилась она о ступеньку, бутылка-то. Вот теперь ищем неизвестного ханыгу. А молоток, то есть орудие убийства, обнаружили в канализационном люке. Такой прискорбный факт. Я там до трех ночи проторчал, а утром на работу.

Владыкин взял с края стола очки, нацепил их на свой короткий нос.

– Что ж, начнем бумаготворчество. Оказывали вы прежде медицинскую помощь пострадавшей Пастуховой Анне Петровне?

– Нет, в тот день я видел её впервые. И прежде никогда не встречал и помощи не оказывал. Это можно проверить.

– Нужно будет, проверим, – Владыкин поправил неудобно сидящие очки. – В этих очках проклятых всегда винтик вывинчивается. В котором часу вы ушли из квартиры покойной Пастуховой?

– Я точно, до минуты не помню, – Ирошников сообразил, что на этот вопрос уже отвечал во время прошлого допроса. – Там, в выездной карточке, все это должно быть отмечено, время прибытия, время убытия.

– То есть убития? – пошутил Владыкин. – Карточку вы заполнили правильно? Ведь случаются ошибки, я поэтому и спрашиваю. Пустяковое вроде дело, указать время убития, то есть убытия. Врачи часто не передают значения таким мелочам, ставят время от фонаря.

– Насколько я помню, то посмотрел на часы перед тем, как заполнить эту графу, значит, точно поставил. Часы у меня хорошие.

– Электронные?

– Механические, но ход точный, – Ирошников показал старшему следователю запястье левой руки, японские часы с черным циферблатом.

– Действительно, хорошие часы, – сказал Владыкин. – У меня у самого «Победа», отечественные, но ходят, будь здоров. А ведь десять лет моим часам скоро, десять лет, это большой срок даже для механизма. Правильно?

– Да, десять лет срок большой.

Ирошников поежился, показалось, что этот разговор о часах Владыкин тоже затеял неспроста и занесет его в протокол, но следователь не стал ничего записывать.

– Пастухова проводила вас до входной двери или вы нашли дорогу сами?

– Она проводила меня через весь коридор. После укола папаверина она чувствовала себя легче. Сама открыла дверь, попрощалась и выпустила на лестничную площадку. Потом захлопнула дверь, я слышал, как замок щелкнул.

– Что было дальше? Вы спустились вниз лифтом или по лестнице?

– По лестнице, лифта не стал дожидаться, третий этаж.

– Вы встретили каких-то людей по дороге, на лестнице или у подъезда?

– Кажется, у подъезда стояли две женщины, разговаривали. За сутки у меня бывает до сорока вызовов, я не в состоянии запомнить все детали, кого встретил и где.

– Но этот вызов вы описываете подробно, и все детали вспоминаете. Даже мелкие детали, незначительные. Значит, именно этот вызов чем-то выделялся из общей массы?

– Конечно, выделялся, – кивнул Ирошников. – Ни каждый день моих пациентов находят мертвыми. Это противоестественно, протыкать человека лыжной палкой, – Ирошников смеялся, поняв, что сморозил редкую глупость. – То есть, я хотел сказать...

Владыкин поднял голову от протокола и впервые посмотрел на Ирошникова внимательно, с неподдельным интересом.

– Я вас понимаю, – сказал он – Смерть вообще противоестественна, насильственная смерть. А людская кровь не водица. Ведь именно это вы хотели сказать?

Владыкин хихикнул.

Ирошников не удивился внезапному этому смешку, а только подумал, что следователь за свою многолетнюю практику навиделся таких видов, что давно очерствел сердцем к чужой беде, до дна вычерпал колодец сострадания. Возможно, Владыкин сам того не заметив, превратился в законченного циника, избрав именно цинизм противоядием от жестокости мира.

– Затем вы отправились обедать? – многозначительно поднял брови Владыкин. – В столовую троллейбусного парка, если не ошибаюсь?

– Точно, в столовую. Обедали вместе с водителем. А сразу после обеда выехали на очередной вызов. Вот и все, больше мне нечего добавить.

– И ладненько, – Владыкин поправил очки. – Меньше ваших слов, меньше казенных чернил тратить. Как давно вы работаете в «скорой помощи»?

– Одиннадцать лет.

– Это много. У вас ведь первая категория, так? Тогда почему же вы до сих пор в простой линейной бригаде? С вашим опытом, квалификацией? Специалисту необходим профессиональный рост. Я бы на вашем месте давно перешел в специализированную бригаду. Кардиологическую, например, реанимационную или неврологическую. Во-первых, специализация это уже интересно. Во-вторых, престижно. В-третьих, куда меньше ежедневной рутины. Этих больных старух и прочих подобных пациентов. А значит, и неприятностей меньше.

Владыкин весело глянул на Ирошникова.

– Я одно время думал перейти в специализированную бригаду, – ответил Ирошников, удивляясь осведомленности и эрудиции старшего следователя. – Но все откладывал, привык здесь.

– Специалисты утверждают, что более семи лет на одном месте сидеть, точнее, работать нельзя. Закисаешь, утрачиваешь прежние способности. Нет, вам надо расти.

– Конечно, – согласился Ирошников, черт знает, что у этого следователя на уме. К допросу он неплохо подготовился, когда только успел?

– Я тут навел справки в бухгалтерии вашей головной организации в Каптельском переулке, рядом со Склифасовским. Сообщают такую интересную вещь. Оказывается, два года назад вы работали на труповозке. В общей сложности возили трупы около года, одиннадцать месяцев, если быть точным. Честно, я поразился: врач первой категории работает на труповозке. Это уж слишком грязная работа, по своей практике знаю. Разложившиеся трупы иногда приходится совковой лопатой собирать.

– Да, грязная, – согласился Ирошников. – Но устроиться на неё практически невозможно. В советское время носильщиком на Курском вокзале можно было стать разве что по личной записке министра путей сообщения. То же самое сейчас на труповозке. Записок, может, и не спросят, но взятки огромные. Это между нами, конечно, не для протокола.

– Но мне интересно, почему вы, именно вы, пошли на эту грязную работу? – Владыкин отложил ручку в сторону.

– Нужны были деньги, – просто ответил Ирошников. – Я купил квартиру в ближнем Подмосковье.

– А теперь деньги не нужны?

– Нужны, но не до такой степени, чтобы закалывать бабку. Если бы это сделал я, то выбрал другой способ умерщвления, менее болезненный.

– А какой? – в глазах Владыкина блеснул странный голубоватый огонек. – Скажите. Как профессионал профессионалу.

– У врача выбор средств богатый, – усмехнулся Ирошников. – Скорее всего я бы выбрал укол, инъекцию, приводящую к остановке сердца. И вряд ли бы родственники старухи, если они у неё вообще есть, настаивали на вскрытии.

– Естественная смерть, логично, – кивнул Владыкин. – И со вскрытием никто возиться не стал бы, стариков не вскрывают. Но как тогда объяснить пропажу ценных вещей? Золотых украшений девяносто шестой пробы, царских червонцев и даже сережек из ушей? Родственники настояли бы на вскрытии, когда хватились пропажи. И след от укольчика остался бы на ягодице или локтевом сгибе. Улавливаете? А кто укол может сделать кроме, разумеется, врача или медсестры? В том, что бабку закололи палкой, тоже есть своя логика.

Владыкин посмотрел на Ирошникова и неожиданно подмигнул ему одним глазом.

– Кстати, на труповозке платят большие деньги?

– Большие, – ответил Ирошников, разговаривать по душам ему расхотелось. – Триста процентов надбавки за непристижность профессии, плюс левые.

– Почему же вы тогда ушли оттуда?

– Боялся, что сопьюсь. Работа и вправду очень грязная. Этим раньше милиция занималась, перевозила трупы, криминальные трупы. А потом эту службу «скорой» передали. Целый день только и видишь пьяного фельдшера и четыре цинковых корыта в машине и ещё московские морги. Жизнелюбия как-то не прибавляется.

– Деньги просто так не достаются, – Владыкин глубокомысленно посмотрел в потолок на ржавые разводы, напоминающие географические карты, опустил глаза и придвинул Ирошникову протокол. – Прочитайте и в конце напишите своей рукой: с моих слов записано, верно, и мною прочитано.

– И все? – удивился Ирошников, пробегая глазами строки. – Могу быть свободен?

– Конечно, можете, но сперва нам предстоит одно небольшое дельце, много времени это не отнимет. Нужно проехать в квартиру покойной Пастуховой, чтобы на месте произвести некие действия, называемые следственным экспериментом.

– Но ведь следственный эксперимент проводят только в отношении обвиняемых. Разве я уже им стал?

– Если бы вы стали обвиняемым, я предъявил бы постановление о привлечении вас в качестве обвиняемого и заодно уж постановление о заключении вас под стражу. И протокол был бы другим. Словом, все это тонкости следствия, в которые рядовому честному гражданину лучше не вникать, не забивайте себе голову ерундой. А следственный эксперимент можно проводить и со свидетелями, это допускается. Всего лишь проверка ваших, то есть свидетельских показаний, на месте. Только звучит красиво: следственный эксперимент.

Ирошникову показалось, Владыкин хотел ещё что-то добавить, например: глядишь, сегодня ты свидетель, а завтра – обвиняемый. Но следователь молчал. Дочитав протокол, Ирошников, расписавшись на двух страницах, передал его Владыкину. Тот набрал номер внутренней связи, спросил готова ли машина и, поднявшись на ноги, запер бумаги в сейфе.

* * *

Очутившись в комнате Пастуховой, Ирошников первым делом внимательно осмотрел все углы жилища покойной старухи и задал самый глупый вопрос из тех, что можно придумать.

– А где лыжные палки, ну, те самые?

– Их уже отвезли, – Владыкин усадил за круглый стол в углу комнаты какого – то бело-брысого совсем молодого человека по имени Юра, уже сидевшего рядом с водителем, когда машину подали к подъезду прокуратуры. – И лыжи и орудие убийства отвезли в камеру хранения вещественных доказательств. А вы, Антон Васильевич, присаживайтесь в кресле рядом с диваном. Ведь вы именно на нем сидели в тот день?

– Только кресло стояло ближе к дивану, вплотную.

– Если хотите, можете кресло переставить. А ты, Юра, – Владыкин обратился к молодому человеку, – бери ручку, станешь за мной записывать слово в слово.

Молодой человек кивнул, раскрыл портфель и разложил перед собой бумаги.

– Если не трудно, зажгите свет, – попросил он Владыкина и скрючился на своем стуле.

Владыкин нажал кнопку выключателя, и, подойдя к стене, отделяющей комнату Пастуховой от соседней комнаты, постучал по этой стене кулаком.

– Тут раньше не было стены, – сказал он. – Позже поставили перегородку.

– Уточнить? – откликнулся Юра из своего угла. – Могу в РЭУ слетать.

– Никуда летать не надо, – ответил Владыкин. – Это не имеет значения, когда и по какому случаю соорудили стеновую перегородку, – он распахнул дверь и выглянул в коридор. – Понятые, пройдите сюда.

Ирошников наблюдал, как в комнату, ступая на ципочках, вошел пузатый старик в тренировочном костюме из яркой синтетической ткани. Старик застыл на месте, уставившись на черное в полдивана пятно. Оторвавшись от созерцания пятна, он с опаской глянул на Ирошникова, почему-то не решаясь проходить дальше.

– Вон на стульчик присаживайтесь.

Владыкин показал пальцем на стул в противоположном от Ирошникова углу.

– Благодарю вас, – прошептал старик и, продолжая коситься на Ирошникова взглядом ошалелой лошади, на ципочках добрался до своего места.

Следом за стариком в комнату вошла высокая плоская женщина с собранными в пучок волосами. Сев на табурет рядом с дедом, она целомудренно одернула на коленях самосвязанное шерстяное платье.

– Зайдите и вы на минутку, – Владыкин ввел в комнату тщедушного мужичка неопределенного возраста в черной фуфайке. – Это сосед Пастуховой, – пояснил следователь Ирошникову. – Куличов Иван Агафонович.

Мужчина стоял посередине комнаты, переминаясь с ноги на ногу и поглядывая то на Ирошникова, то на сидящих в рядок понятых.

– Теперь идите в свою комнату, Иван Агафонович, – Владыкин бережно похлопал мужичка по плечу. – Сядте там, расслабьтесь и просто слушайте. У вас ведь хорошая слышимость в комнате?

– А то как, – Куличов подтянул тренировочные штаны, вздувшиеся пузырями на коленях. – Старуха, бывало, как закашляется ночью, так я просыпаюсь. То есть раньше просыпался.

– Значит, сейчас спокойно спите? – поинтересовался Владыкин.

– Какой уж тут покой? – Куличов выразительно посмотрел на пропитанный кровью диван. – Все одно покою нету. Чудится, будто старуха за стеной ходит. То ли диваном скрипит, не поймешь. Ветер на улице, а мне страсти мерещатся. Тут приснилось...

– Хорошо, хорошо, – Владыкин легонько хлопнул Куличова по спине. – Только не впадайте в мистику. Вы мне потом расскажете свой сон, я люблю про сны всякие слушать. А пока идите на свою половину, сидите и слушайте.

Следователь взял Куличова под локоть и вывел за дверь. Через минуту Владыкин вернулся обратно и, расхаживая взад-вперед по комнате, принялся диктовать своему помощнику.

– Пиши, Юра, следующее, – говорил он, меряя шагами жилплощадь покойной Пастуховой. – Протокол следственно эксперимента, дата, год, город Москва. Старший следователь межрайонной прокуратуры, юрист первого класса Владыкин при участии стажера прокуратуры Ливанского свидетелей по делу Ирошникова и Куличова в присутствии понятых, – Владыкин вытащил из кармана паспорта понятых и продиктовал своему помощнику их имена и адреса. – По находящемуся в производстве делу номер такой-то в соответствии со статьями, – продолжая расхаживать по комнате, Владыкин достал из кармана пачку сигарет и распечатал её.

– Указанным лицам разъяснено право присутствовать при производстве следственного эксперимента и делать заявления, подлежащие занесению в протокол. Понятым разъяснена их обязанность удостоверить своим подписями результаты эксперимента после его окончания.

Эксперимент проводится в квартире номер двенадцать по такой-то улице. Вход в комнаты один и два отдельный из общего коридора. Стеновая перегородка между комнатами один и два деревянная толщиной в восемь сантиметров покрыта штукатуркой и оклеена обоями с обеих сторон. Двери из коридора в комнаты деревянные, одностворчатые.

Владыкин остановился и прикурил сигарету.

– С новой строки, – перегнувшись через плечо стажера, он заглянул в протокол. – Подчерк у тебя, Юра, красивый, разборчивый. Станешь скоро прокурором.

Молодой человек зарделся девичьем румянцем.

– Пиши так, – продолжил Владыкин свое хождение по комнате. – При производстве эксперимента его участники размещены следующим образом. Свидетель Ирошников и понятые в комнате номер один, где проживала пострадавшая Пастухова. Свидетель Куличов находится в комнате номер два, через стену от комнаты номер один. Перед началом эксперимента всем участникам разъяснены его цели, – Владыкин подошел к подоконнику и стряхнул пепел в цветочный горшок – Полить бы цветочки, а то засохнут, – сказал он то ли стажеру, то ли самому себе.

– А цель такая, – Владыкин шагнул к Ирошникову, протянул ему сложенную вдвое бумажку. – Вы, Антон Васильевич, сейчас несколько раз зачитаете этот текст. Сперва вы читаете в тоне спокойного разговора, не повышая голоса. Так, как мы с вами сейчас разговариваем. Затем перечитываете текст точно таким же ровным голосом. Через минуту повторяете его в повышенном тоне, будто спорите с кем-то. Вам все ясно?

Ирошников кивнул. Понятые переглянулись. Дед в костюме, бросив на женщину выразительный взгляд, чмокнул губами, словно хотел сказать: сколь веревочке не виться, убийцу все равно изобличат и отвесят по всей строгости закона, так что лучше тебе, свидетель Ирошников, сразу облегчить душу чистосердечным признанием. Женщина в ответ шмыгнула носом. Ирошников прочитал записку: «У вас больное сердце. Сегодня вам лучше оставаться в постели и вызвать участкового врача. Пока советую принять нитроглицерин. Вам сразу станет легче».

– Я не советовал Пастуховой принимать нитроглицерин, – сказал Ирошников. – А легче старухе стало после укола.

– У нас тут не врачебный консилиум, – Владыкин потушил сигарету в цветочном горшке и выбросил окурочек через форточку. – Теперь уже не имеет ни малейшего значения, после чего покойнице стало легче. Нас интересует, слышит ли вас Куличов. А если слышит, то, узнает ли ваш голос.

– Слышу, хорошо слышу, – выкрикнул Куличов из-за стены. – Хорошо все слышу.

– Это вы потом расскажете, – Владыкин шагнул к стене, – когда протокол станете подписывать. А пока молчите.

– Чего в протоколе-то писать?

Стажер посмотрел на следователя взглядом исполненным обожания.

– Пиши так, – Владыкин прошелся по комнате. – При производстве опыта Ирошников зачитывает, – Владыкин продиктовал текст. – Так, сейчас четырнадцать часов пятнадцать минут. Начинайте, Антон Петрович.

Спортивный дед и женщина в вязаном платье затаили дыхание. Ирошников трижды зачитал вслух записку, уже не первый раз на дню чувствуя себя полным дураком. Владыкин подошел к стене и, трижды стукнул в неё раскрытой ладонью.

– Иди сюда, Куличов.

Прошагав по коридору мелким шагом, тот вошел в комнату и замер на пороге, одной рукой поддерживая штаны, вздувшиеся на коленях.

– Итак, что вы слышали? – обратился к Куличову Владыкин. – Если сможете, воспроизведите... Ну, повторите содержание услышанного.

– Все как есть слышал, – Куличов неожиданно злобно посмотрел на сидящего в кресле Ирошникова. – Этот, как его, врач, – он показал на Ирошникова пальцем. – Он говорит: лежите в постели и вызовите врача. Вам, говори, легче станет.

Куличов все не опускал руки с протянутым к Ирошникову пальцем.

– Он это. Узнал я его голос.

– Хорошо, Куличов, очень хорошо, – Владыкин взял соседа за плечи. – Слух у вас прекрасный, позавидовать можно. А ты, – следователь подошел к стажеру, – пиши в протокол: после первого опыта Куличов заявил, что слышал все слова Ирошникова, а также воспроизвел содержание этих слов. В голосе Ирошникова Куличов узнал голос врача, посещавшего Пастухову перед её гибелью. Записал? И молоток. Теперь так пиши: после окончания опытов их результаты оглашены понятым и свидетелям. Эксперимент закончен в четырнадцать часов сорок минут. Старший следователь, юрист первого класса Владыкин, стажер Ливанский. Свидетели, понятые подойдите, пожалуйста, к столу и распишитесь.

Проводив понятых до входной двери, Владыкин вернулся в комнату.

– Видите, как все быстро закончилось? – сонливость Владыкина как рукой сняло. – Дело мастера боится. Как на войне: быстрота залог успеха.

Ирошников сидя в кресле, моргал глазами, стараясь понять, какое дело боится мастера и о каком успехе ведет речь Владыкин. Сердце в груди тосковало, Ирошников не мог объяснить себе эту беспричинную тоску.

– Не спи, Юра, бди, – Владыкин шлепнул стажера ладонью по спине. – Дуй в прокуратуру и можешь пообедать в троллейбусном парке. А я ещё потолкую с Куличовым, чтобы его повесткой не вызывать. Он обещал мне свой сон рассказать с четверга на пятницу. Может, сон в руку?

Глава 3

– Ну и денек сегодня, – водитель «скорой помощи» Василий Васильевич Силантьев поежился, словно от холода, хотя в кабине «рафика» было тепло. – Так много вызовов. Неблагоприятный, видно, день, – он снял с баранки правую руку и, не отрывая взгляда от дороги, щелкнул пальцами. – Магнитные бури обещали. Сам я в это не верю, нет никаких магнитных бурь. Выдумывают все эти ученые, чтобы зарплату им, дармоедам, больше получить.

Врач Вербицкий, сидевший в кабине рядом с водителем, не задумывался над словами Силантьева. Водитель вечно несет какую-то околесицу, когда речь касается научных фактов или гипотез, темный человек. Высморкавшись в носовой платок, Вербицкий зевнул и распахнул на груди шерстяную куртку, надевая поверх белого халата.

– Не гони так, – сказал он Силантьеву. – На свои похороны мы ещё успеем. Гололедица, а у тебя резина почти лысая.

– Вот-вот, резина лысая, – отозвался как эхо фельдшер Максим Одинцов.

Ерзая на жесткой неудобной скамейке, он страдал от безделья и общался с водителем и врачом через окошко, соединяющее грузовой отсек микроавтобуса с кабиной. Последние четверть часа фельдшер решал для себя нелегкую задачу: выпить разведенный водой спирт прямо сейчас, в салоне «скорой», из горлышка нагретой грудью металлической фляжки. И подавиться сладкой карамелью. Или дождаться обеда и все сделать по-человечески, из вежливости предложить спирт Вербицкому, тот все равно откажется от угощения. Фельдшер морщил лоб, вздыхал, склоняясь к последнему варианту. Выпивать, так лучше из стакана, под закуску. Приняв решение, Одинцов повеселел, просунув голову через окошко в кабину, спросил, скоро ли на обед. «А то жрать уже хочется, – добавил он каким-то жалобным сдавленным голосом. – С утра ничего не жрал, даже маковой росинки».

– В два часа поедем, – повернул голову назад Вербицкий. – А сейчас на подстанцию.

– Так по радио с ними сейчас свяжитесь, скажите, что пообедать завернем, – не унимался фельдшер. – Ведь мы тоже люди.

Вербицкий и посмотрел на часы. А ведь, пожалуй, фельдшер прав, время обеденное, можно завернуть в столовую рядом со строительным трестом.

– Хотя, если Максим угостит нас обедом, – он подмигнул фельдшеру. – Если угостишь, я не возражаю.

– У меня мать готовила так, что просто зашатаешься, – вместо ответа сказал Одинцов. – А теперешняя моя жена невкусно готовит. Вот мать – это да. Царство ей небесное. Не ценил её в свое время.

– Что имеем, не храним, – глубокомысленно заметил водитель. – Твоя мать, кажись, уборщицей работала в булочной.

– Не уборщицей, а кассиршей.

– Ну, кассиршей, какая разница, – сказал водитель. – Просто прошлый раз ты говорил, что она уборщицей была.

– Сам ты уборщица, – обиделся Одинцова. – А вот отца я почти не помню. Он ушел из семьи, когда я ещё пешком под стол ходил. А мать умерла в возрасте шестидесяти одного года. Во время полового акта умерла, – Одинцов задумался, вспоминая обстоятельства кончины матери. – Прекрасная смерть. Чтобы всем нам так. А ещё говорят, что в наше время люди не умирают от любви. А вот моя мать, как я себе понимаю, умерла от любви.

* * *

Покончив с обедом, фельдшер вышел из столовой стройтреста, залез в салон «рафика», опустив за собой заднюю дверцу и тут же, не дожидаясь, когда машина тронется с места, растянулся на носилках и уставился глазами в белый светильник над своей головой. Спать пока не хотелось, но после пустых споров с водителем Одинцов испытывал нечто вроде усталости. Он скрестил руки на груди и смежил веки, ощутив, что машина поехала, быстро ускоряя ход. Вспомнил вдруг, что резина на «рафике» лысая, он хотел уж ещё раз поделиться своим наблюдением с Вербицким, но, не успев раскрыть рот, провалился в сладкую дрему.

Но уже через несколько минут фельдшер поднял руку и посмотрел на часы. Получается, спал он совсем недолго. «Скорую» трясло на плохо чищенной мостовой, из кабины доносился шумер рации и голос Вербицкого.

– Пятнадцатая приняла вызов, – говорил врач. Так... Адрес... Авто... Двое пострадавших...

Одинцов поднялся с носилок, сел на скамейку, решив, что за пять минут успеет выкурить сигарету.

Пронзительно взвизгивала сирена, голубая мигалка, прозванная синяком, хорошо заметная издаലെка, распугивала водителей и пешеходов. Набрав скорость, «рафик» занял левый ряд и ещё поддал газу. Увидев красный сигнал светофора, Силантьев пересек разделительную линию, выскочив на встречную полосу. Казалось, машина готова пойти юзом, но водитель успел вывернуть руль в сторону заноса, выровнял «рафик» и снова увеличил скорость. Сманеврировав на свободной площадке у светофора, Силантьев вернулся в свой левый ряд, на полном ходу промчался пару кварталов. Чуть сбавив скорость, на третьей передаче он сумел вписаться в крутой поворот и понесся по улице с двухрядным движением. – Ты нас риску подвергаешь, – выкрикнул Одинцов. – Не гони так, все харчи из меня вытрясешь.

Чтобы не слететь с лавки на пол он свободной рукой вцепился в металлическую скобу, приваренную к потолку. В другой руке дымилась сигарета. Машину сильно трясло и, чтобы найти фильтр губами и присосаться к нему, Одинцову приходилось координировать движения собственной головы и кисти руки, что оказалось не так-то просто, фильтр сигареты касался то носа, то подбородка. Плескался и булькал в металлической фляжке на груди недопитый в обед спирт пополам с водой. Вербицкий сидел молча, глядя на дорогу отстраненным взглядом. Он давно усвоил, в такие минуты нельзя отвлекать водителя вопросами или замечаниями. – Гони, Василич, – только и сказал Вербицкий, когда «скорую» вынесло на новый светофор, по обе стороны заставленный машинами, ждущими зеленого света.

Силантьев, повторяя прежний маневр, снова выскочил на встречную полосу, даже не обратив внимания на пешехода, успевшего броситься в сторону из-под самых колес «рафика».

– Ну, все, сейчас точно блевону, – пообещал из салона Одинцов. – Весь обед у тебя тут оставлю. – Замолчи ты, балабол, – пригнувшись в баранке, Силантьев заложил новый крутой вираж. – Блевонешь, так сам мыть будешь

– Подъезжай ближе, – скомандовал Вербицкий, увидев собравшуюся на тротуаре группу зевак. – Милиция ещё не прибыла, мы первые, – добавил он и толкнул дверцу от себя, как только «рафик» остановился.

* * *

Спрыгнув на мостовую, Вербицкий скинул с плеч куртку и, положив её на сиденье, захлопнул дверцу. Подержанная иномарка передом вцепилась в мачту уличного освещения. На водительском месте сидел мужчина, тихо постанывал, держась обеими руками за разбитое

в кровь лицо. Возле машины стояла всего пара зевак, безмолвно глазевших на раненого водителя. Небольшая толпа народу собралась в десяти метрах от машины. Пробившись сквозь эту группу людей, расступавшихся при виде человека в белом халате, Вербицкий увидел лежавшую на тротуаре женщину с седой непокрытой головой в задравшейся выше пояса каракулевой шубе.

Под головой женщины растекалась по сырому асфальту, быстро увеличивалась в размерах кровавая лужа. Все пространство вокруг тела было усеяно мелкими осколками битого стекла. Наклонившись, Вербицкий сел на корточки и одернул полы шубы, прикрыв бедра, взял в руку запястье женщины, стараясь нащупать пульс. Он выругался про себя, отпустил запястье, стараясь определить причину кровотечения, повернул голову женщины в другую сторону и увидел вылезшую из-под кожи рассеченную, видимо стеклом, сонную артерию. Распрявившись, Вербицкий оглядел столпившихся вокруг людей.

– Кто-нибудь видел, как все это произошло? – громко спросил он. – Свидетели есть?

Щуплый мужчина в светлой меховой шапке сделал робкий шаг вперед.

– Я видел, – сказал он, потирая пальцами кончик носа. – Она, – он указал пальцем на лежавшую на тротуаре женщину, – дорогу перебежала в неполюженном месте, а машина...

– Не надо подробностей, – оборвал мужчину Вербицкий. – Только оставьте свой адрес и телефон. – Вот ему оставьте, – Вербицкий кивнул на подошедшего Силантьева. – Запиши, Василич.

– А с ней что? – спросил Силантьев.

– Умерла ещё до нашего приезда, – ответил Вербицкий. – Куском стекла ей сонную артерию перерезало. Три минуты – и все дела.

Вербицкий быстрым шагом выбрался из окружения людей, направился к разбитой иномарке, но тут кто-то тронул его за рукав. Вербицкий обернулся. Перед ним стоял мужчина в куртке защитного цвета и черной вязаной шапке.

– Эта кошелка сама бросилась мне под колеса, – сказал мужчина. – Я ехал, а она выскочила, словно из-под земли. Мои «Жигули» ударили её, она отлетела на встречную полосу, а тот, – мужчина указал на иномарку, – он хотел уйти и долбанулся в столб.

– А откуда столько битого стекла? – спросил Вербицкий.

– Я два зеркала не обрамленных перевозил на багажнике, – пояснил мужчина. – Вез их заказчику. Они и разбились.

– Эй, Силантьев, – крикнул Вербицкий что есть силы. – А ну иди сюда.

Силантьев, плечами растолкав людей, подбежал к Вербицкому.

– Василич, заведи у него водительское удостоверение, – скомандовал Вербицкий и кивнул на мужчину в вязаной шапочке.

– Это зачем же удостоверение заводить? – тот засунул руки в карманы и зло закосил глазами. – Вы не милиция, чтобы удостоверения отбирать.

– Правильно, не милиция, – упрямо кивнул головой Вербицкий. – Милиции пока нет. А документы я имею право отобрать. Хотя бы затем, чтобы ты не смылся отсюда. А то видел я много таких умников, смоятся, а потом заявляют, что машину угнали. А хозяин не при чем.

– Не дам удостоверение, – мужчина отступил назад. – Разговор закончен, не дам.

Силантьев с неожиданным для его лет проворством быстро шагнул вперед, обеими руками ухватил водителя за воротник куртки, сгреб его в охапку легко, как мешок с тряпьем.

– Ну?

Фельдшер с силой потрянул мужчину, старавшегося высвободиться и лягнуть противника ногой. Силантьев отвел правую руку назад и открытой ладонью ударил мужчину в верхнюю челюсть.

– Сейчас я тебе сотрясение мозга нарисую, – выдавил сквозь сжатые зубы Силантьев.

– Берите, – голос мужчины сделался писклявым и жалобным. – Берите удостоверение, раз такое дело. Я порядки знаю, берите, пожалуйста.

Силантьев ослабил хватку, принял из крупно дрожавших рук мужчины водительское удостоверение

– Одинцов, давай сюда с носилками, – Вербицкий махнул рукой топтавшемуся возле «скорой» фельдшеру. – Живее шевелись.

Подойдя к иномарке, Вербицкий наклонился к водителю. Близко рассмотрев сиденье и приборный щиток, забрызганный кровью, он двумя руками дернул ручку дверцы.

– Не заклинило, слава Богу, – вслух сказал Вербицкий, обернулся к Одинцову. – Бери водителя за плечи, а я за ноги. Так, молодец.

Одинцов закричал, стаскивая раненого с сиденья.

– Бедняга, сильно его припечатало. Вот уж бедняга. Не повезло человеку.

Мужчину переложили на носилки, он застонал, не отнимая ладоней от лица, пытался согнуть ноги в коленях, но не смог, только застонал ещё громче, охнул от боли, схватился за грудь. Кто-то из зевак наблюдал за мучениями раненого, кто-то следил за действиями Вербицкого и Одинцова.

– Что, взяли? – фельдшер приготовился поднять носилки.

– Вещи пострадавшего ему под голову, – приказал Вербицкий. – Живо.

Одинцов нырнул в салон машины, за длинный ремень вытянул с заднего сиденья небольшую спортивную сумку, с переднего пассажирского сиденья взял черный дипломат с кодовым замком. Пошарив рукой под водительским креслом, бегло осмотрев содержимое бардачка и панель над приборным щитком, Одинцов, пятясь задом, вылез из машины. Подняв голову раненого, он подложил под неё «дипломат», а спортивную сумку пристроил в ногах.

– Теперь взяли, – Вербицкий поднял носилки за задние ручки.

Вкатив носилки, Одинцов забрался в салон «скорой», следом за ним Вербицкий.

– Василич, давай за руль, – крикнул он и опустил за собой заднюю дверь.

Вербицкий расстегнул «молнию» на куртке мужчины, вытащил из брюк рубашку, с силой дернул за её нижние края в разные стороны. Оторвавшиеся пуговицы разлетелись по салону, как сухой горох.

– Нога, нога, – сказал мужчина слабым голосом и застонал.

Только тут Вербицкий заметил, что правая брючина водителя сочится кровью. Вытащив из кармана перочинный нож, Вербицкий распорол брючину снизу до колена.

– Максим, наложи ему жгут, – сказал Вербицкий фельдшеру. – У него открытый перелом обеих костей голени, – Вербицкий стал ощупывать грудь мужчины. – И ещё перелом пятого-седьмого ребер с обеих сторон. Плюс сотрясение мозга, видимо, внутримозговая гематома.

– И ещё шок, – с умным видом добавил Одинцов, закрепляя на бедре пострадавшего резиновый жгут.

– Два шока, – поправил Вербицкий. – Один шок геморрагический, другой травматический, то есть болевой. И ещё анте-ретроградная амнезия.

– Это ещё что за фигня? – Одинцов, покончив со жгутом, стал закреплять капельницу в лапках металлического штатива.

– Ездишь со мной, ездишь, а все такой же серый, как в первый день, – проворчал Вербицкий, прощупывая живот мужчины. – Пострадавший придет в себя и не вспомнит, что с ним произошло за два-три часа до аварии и часа два-три после аварии. Усек? После контузии люди, случается, полностью забывают всю прожитую жизнь.

Услышав, что хлопнула дверца, Вербицкий поднял голову. Нормально, водитель уже на месте.

– Давай, Василич, объедь-ка отсюда метров на тридцать, – сказал Вербицкий. – А то слишком много любопытных глаз. А при оказании помощи пострадавшим посторонние не должны присутствовать. Все по инструкции, – он подмигнул Одинцову.

* * *

Силантьев тронул с места задним ходом, остановился, не выключая двигателя. Вербицкий вынул из-под головы стонущего на носилках мужчины «дипломат», попробовал открыть замки, но они не поддались. Через окошечко он передал дипломат в кабину водителя.

– Что-то не открывается, – сказал Вербицкий – Попробуй ты, Василич. Но замки не ломай. Зацепи крышку дипломата монтировкой с другой стороны там, где петли.

– Понял, Валерий Александрович, – кивнул водитель, принимая из рук Вербицкого дипломат. – Сейчас все сделаем.

Одинцов, закончив возню с капельницей, взял с носилок спортивную сумку, расстегнул «молнию», выудил скомканную рубашку, мятый свитер.

– Тьфу, шмотки какие-то, – он быстро обшарил боковые карманы сумки. – Ничего, черт побери. Пусто. Вот же тварь, – он с ненавистью посмотрел на раненого. – Тварь-то какая.

– У тебя что, Василич? – Вербицкий посмотрел через окошко на водителя.

– Погоди немного, Валерий Александрович, – положив дипломат на колени, Силантьев шумно пыхтел носом, налегая на монтировку. – Сейчас, один момент. Прочно сработали.

Он навалился на монтировку корпусом.

– А мы так торопились, мчались, как на пожар, – встав на колени, Одинцов сосредоточено обыскивал карманы пострадавшего и, наконец, вытащил тощий, потертый на углах бумажник. – Кредитные карточки. Две кредитки.

– Их не трогай, – велел Вербицкий. – Пусть там и остаются.

– А денег тут кот заплакал, – Одинцов вытащил из бумажника несколько купюр, протянул их Вербицкому, но тот покачал головой.

– Оставь мелочь в бумажнике.

Силантьев на водительском месте громко крикнул. Из днища дипломата выскочили хромированные заклепки, петли разошлись в стороны. Сняв крышку, Силантьев начал методично перебирать содержимое чемоданчика.

– Валерий Александрович, – он повернулся к Вербицкому печальное лицо. – Одни документы в этом чемодане проклятом. Бумажки одни.

Одинцов, не поднимаясь с колен, успел снять с шеи мужчины золотую цепочку с крестиком и теперь с усилием стягивал с безымянного пальца правой руки перстень с печаткой. Силантьев осторожно, чтобы не рассыпать бумаги, передал Вербицкому развороченный дипломат. Сняв крышку, Вербицкий ещё раз просмотрел его содержимое. Поднял голову пострадавшего, положил под неё бесполезный чемоданчик.

– Недоразумение одно, – Одинцов, закончив осмотр одежды, не скрывал разочарования.

– Ну-ка, глянь, что у него на поясе, – Вербицкий, заметив на ремне мужчины пухлую поясную сумочку, указал на неё пальцем. – Поскорее только.

– Валерий Александрович, – дернулся Силантьев, – милиция приехала.

– Что за милиция?

– Патруль ГАИ, – голос Силантьева сделался напряженным. – Выходят из машины. Один старшина, другой лейтенант.

– Есть контакт, – Одинцов вытащил из сумки и потряс в воздухе толстой пачкой сто долларовых купюр, перехваченной посередине резинкой. – Есть контакт, мама дорогая.

– Гаишники сюда идут, – сказал Силантьев. – Ближе подходят.

Вербицкий взял пачку денег из рук Одинцова, передал её Силантьеву.

– Убери, Висилич, подальше.

Пробравшись в заднюю часть салона и подняв дверь, Вербицкий соскочил на асфальт и, поскользнувшись на льду, с трудом сохранил равновесие, взмахнув руками. Вербицкий подошел к лейтенанту милиции, не дожидаясь вопросов, кивнул на толпу зевак.

– Там женщина, насмерть, – сказал он. – У нас в машине мужчина, водитель.

– Живой? – только и спросил старшина.

– Живой, – подтвердил Вербицкий.

Старшина повернулся к сержанту.

– Свяжись с дежурным по ГАИ, – приказал он – Скажи, есть труп. Пусть вызывают офицера из городского управления, – сержант обернулся к Вербицкому – Минут через пять к вам подойду. Время терпит?

– Терпит, – кивнул Вербицкий. – Пять минут терпит.

Вернувшись в «рафик», он сел на переднее сиденье рядом с Силантьевым, достал из кармана сигареты и зажигалку.

– Сейчас поедem, – сказал Вербицкий, прикурив. – Давай сюда водительское удостоверение этого мужика.

– Значит, все в порядке? – спросил Одинцов.

– В порядке, – Вербицкий глубоко затянулся. – Милиции не до нас, у них бумажной работы много. Надо на месте написать направление в морг, составить постановление о проведении судебно-медицинского вскрытия, по начальству доложить. Им не до нас. А ты что, опять хлебнул? – он обернулся к Одинцову.

– Ну, чуть-чуть, – фельдшер, успевший приложиться к фляжке со спиртом, пребывал в самом благодушном настроении. – Только самую малость. А вообще, как гласит русская народная мудрость: сделал дело, пей в три горла.

Глава 4

Вернувшись с работы и поужинав на кухне бутербродами, корреспондент столичной газеты Дима Ларионов закурил сигарету и разложил перед собой на столе сегодняшний газетный номер с собственным материалом. Днем на чтение не оставалось времени, и он отложил это дело до вечера. Пробежав глазами первые строчки, Ларионов убедился, что вчера в его отсутствие корреспонденцию сократили на два абзаца, а в начало материала внесли правку, очень неудачную. Заварив новую чашку кофе, он поздоровался с появившейся на кухне соседкой, бабушкой Екатериной Евдокимовной, снова склонился над газетой, чтобы продолжить чтение.

– Дима, ты все газеты читаешь? – спросила бабушка, зажигая газовую горелку под кастрюлей с недоваренной пшенной кашей.

Вопрос ответа не требовал, поэтому Ларионов лишь тихо промычал что-то себе под нос и ладонью расправил газету на столе.

– Что, баба Катя, спина-то у тебя болит? – он бросил в кофе кусочек сахара.

– Не спина у меня болит, ноги, – бабушка помешала пшеничную кашу. – Ты и вчера про спину спрашивал.

– А, ноги, значит, болят? – переспросил без всякого интереса Ларионов.

За неимением других собеседников сейчас приходилось довольствоваться обществом бабушки Кати. Однако увлекательную беседу о болях в бабушкиных ногах не дала продолжить трель телефонного звонка. Быстро дошагав до прихожей, Ларионов взял трубку. Сквозь помехи и шорохи, завывания ветра, неизвестно как попадавшие в линию, узнал баритончик приятеля, бывшего одноклассника, ныне врача «скорой» Антона Ирошникова.

– Ты что, из Владивостока звонишь? – напрягая голос, спросил Ларионов. – Слышно так, будто, – он не смог продолжить, неожиданно закашлялся.

– Я рядом с тобой, из автомата звоню, – голос Ирошникова пропал, но появился вновь. – Надо срочно встретиться.

– Так давай ко мне, – обрадовался Ларионов. – С соседкой познакомлю.

– Со старухой с больными ногами, с ней что ли? – то ли засмеялся, то ли закричал Ирошников. – Это отложим.

– У тебя утилитарная натура и все ты видишь в дурном свете. Ладно, рядом со мной тут пивнарь открыли. Давай там и встретимся через полчаса, – Ларионов ждал, что ответит собеседник, но услышал лишь короткие гудки.

* * *

Задержавшись со сборами, Ларионов пришел в пивную позже назначенного времени, скинул куртку в тесной раздевалке и прошел в зал, обшитый по стенам вагонкой и оттого похожий то ли на просторную комнату летней дачи, то ли на финскую баню. Рассеянный верхний свет освещал лишь центр зала, оставляя его углы в густой тени.

– Ты прямо в самую темноту забрался, – сказал Ларионов, присаживаясь к столику Ирошникова. – Холодно на улице. Не пивной сегодня день.

– Твое пиво уже почти выдохлось, – Ирошников казался грустным.

– Ничего, в самый раз, – Ларионов подозвал официантку и заказал по сто водки и рыбную закуску. – Если можно вообще умереть от скуки, – сказал он, – то я скончался бы именно нынешним вечером. На руках у старухи соседки. Все к тому шло.

– Везет тебе, у меня с моей работой жизнь такая, что и умереть некогда, – Ирошников взглянул на часы. – Кстати, я сейчас, прямо в этот момент, должен находиться на работе и выполнять профессиональные обязанности.

– Я тебя понимаю. Иногда пива так хочется, что о работе как-то забываешь.

– Не тот случай. Ты помнишь все, что я прошлый раз говорил о своих неприятностях?

– В общих чертах, – Ларионов приник к своей кружке. – Неприятности не могут продолжаться вечно. Что, убийцу старухи нашли?

– Позавчера со мной проводили какой-то странный опыт под названием следственный эксперимент. Кажется, смерть старухи повесят на меня. Других кандидатур у следствия нет. По всем приметам прокуратура готовилась предъявить мне обвинение. У них железный свидетель – сосед этой бабки. Он показывает, что после моего ухода к старухе никто не приходил. Зато он хорошо слышал мой голос. Потом заснул. А когда проснулся и отправился в сортир, поскользнулся в луже крови. Не понимаю, почему меня не арестовали ещё позавчера.

Подошедшая к столику официантка, видимо, услышала последние слова Ирошникова, выразительно посмотрела на него, поставила перед посетителями тарелки с рыбой, стаканчики с водкой, пиво и быстро удалилась к своему месту у барной стойки.

– Но гибель старухи – только присказка. – Значит, история имеет продолжение? – Ларионов допил пиво, заказанное ещё Ирошниковым, придвинул к себе новую кружку. – Тогда рассказывай.

* * *

– Сегодня у меня суточное дежурство. Я как всегда с утра пришел на подстанцию «скорой». В восемь тридцать мы выехали на первый вызов. Мы – это водитель машины и я, фельдшер все ещё болеет. Обычно, когда «скорая» выезжает с подстанции, то возвращается назад только через сутки. Двадцать четыре часа на колесах. Принимаем через рацию вызов за вызовом и едем на место. Когда есть свободное «окно» обедаем или ужинаем. Бывает и по-другому. Вызовов мало. Тогда мы возвращаемся на подстанцию, сидим там, в комнате отдыха, играем в шашки.

Короче, сегодняшнее дежурство беспокойное. За утро двух человек доставили в больницу. В первом часу получили ещё один вызов. По тем данным, что сообщила диспетчер, у больного ангина. Высокая температура, покраснение горла. И надо бы ему к участковому врачу обратиться, а не к нам. Но он позвонил в «скорую» и вызов приняли. Дело не срочное. Мы с водителем спокойно пообедали и закурили на воздухе. У больного, пятидесятилетнего мужика, действительно температура и горло красное. Похоже на ангину, но, как говорили древние: «Если сомневаешься, подумай о сифилисе».

Я его спрашиваю о половых контактах. Говорит никого, кроме жены. В комнате мы одни. Тогда я его спрашиваю, мол, откуда язвочка на правом кулаке, на костяшке среднего пальца? Может, укусил кто? Нет, говорит, это я месяц назад какому-то хмырю по зубам съездил. Подрались по пьяной лавочке. Сперва на кулаке была ссадина, которая быстро зажила, но появилась эта язвочка. Ясно, мужика нужно немедленно госпитализировать. Я вызвал инфекционную перевозку. В мои студенческие годы на кафедре с трудом нашли больного, чтобы показать студентам открытую форму сифилиса. Теперь таких случаев в Москве – море, искать не надо. Я сказал мужику: «Тот человек, которого ты съездил по зубам, болен. А рот рассадник сифилиса». Мужик ответил: «В следующий раз буду умнее, не стану целить по зубам. Лучше уж в глаз или нос». И стал собирать вещи.

Пока я заполнил бумаги, пока созвонился с диспетчером, на все это ушло полчаса. Тут приехали ребята из инфекционной бригады, а я получил новый вызов: у мужчины сорока лет острые боли внизу живота. Ехать нам до места минут десять. Я надел свое пальто в прихожей,

взял чемодан, спустился и мы выехали по новому адресу. Это оказался шестиэтажный дом постройки сороковых годов, проходной подъезд выходит на две стороны: во двор и на улицу. Мы остановились во дворе, и я пешком поднялся на четвертый этаж, лифта в доме нет. Звонить в квартиру не стал, потому что дверь оказалась полуоткрытой. Я просто вошел в прихожую, поставил чемоданчик, снял пальто и повесил его на вешалку. Но навстречу мне никто не выходил. Я громко откашлялся и спросил первое, что пришло в голову: «Больной, вы дома?» Я стоял, как дурак, в этой полутемной прихожей и решал для себя, почему дверь в квартиру оказалась открытой.

Причин этому набиралось сто с хвостиком. И вообще не время было размышлять над подобной чепухой, ну, открыта дверь... Ну, больной на голос врача не отзывается... Я снова повторил вопрос, уже громче. В эту секунду в квартире стало как-то особенно тихо. Так бывает в лесу, когда перестает дуть ветер, или на реке в рассветный час. Что-то вроде звона в ушах появляется от такой тишины. И тогда я услышал стон, точнее, булькающий звук. Подняв чемоданчик, я прошел коридор, перешагнул порог комнаты и не сразу разобрался в том, что увидел. Комната довольно большая, метров двадцать, но тесно заставленная мебелью, плотные шторы на окнах задернуты.

У ближней к двери стены разобранный диван, постель смята. Почему-то я долго разглядывал эту постель, будто увидел на ней что-то интересное. Но на самом деле ничего интересного там не оказалось, если не считать черных пятен на пододеяльнике и наволочке. Я сразу решил, что это кровь, хотя в комнате было темновато, потянулся к выключателю, загорелась большая хрустальная люстра, очень яркая. Под этой люстрой, скрючившись, прижав колени к животу, лежал здоровый мужик в майке без рукавов и тренировочных брюках. Тут я осмотрелся по сторонам и увидел, что кровь была не только на той смятой постели.

Кровь была везде. На плотных голубых шторах, на журнальном столике, на стенках серванта, даже на потолок брызги попали. Человек существо живучее, этой живучести я поражаюсь, но в этот раз... Просто слов нет. Мужик плавал бы в луже крови, если не толстый ковер, впитывающий жидкость, как губка. Но главное не в количестве крови, которой была залита вся комната. Главное, что у этого мужика просто-таки отсутствовала левая верхняя часть черепа. Башка оказалась просто расплющенной. Не хочу описывать детали, но в переводе на бюрократический язык, это именуется выпадением мозгового вещества. Я спросил себя: чем можно нанести человеку такую чудовищную травму? Ну, чем? Кувалдой разве что или тяжелым топором.

Но размышлять и строить догадки некогда. Человек под люстрой пошевелил рукой, вытянул левую ногу и издал тот самый булькающий звук, который я услышал ещё в прихожей. Говорю же, не раз поражался живучести человека, но тут случай особый. Я шагнул вперед, опустился на корточки, взял запястье этого мужика и стал нащупывать пульс. Слабый, около пятидесяти ударов в минуту. Весьма неплохо, если учесть, что у человека, как бы это сказать... Отсутствовало полголовы. И тут, стоя на корточках, я увидел то, что хотел увидеть минуту назад.

Рядом с креслом на ковре лежал то ли лом, то ли длинный обрезок трубы. Я встал на ноги и поднял эту штуку. Оказалось, гвоздодер, тяжелый такой, массивный. Повертел его в руках, положил на прежнее место и вытер окровавленные ладони о полы белого халата. Вообще, я впал в ступор, состояние заторможенности. Следовало немедленно вызвать реанимационную бригаду, хотя шансы, что раненый доживет до их приезда, казались мне мизерными, даже нулевыми. Я вращал глазами, искал телефон, но везде видел только кровь.

А потом откуда-то появилась эта женщина. Уже без верхней одежды, видимо, сняла шубу в прихожей. Я не знаю, ни как её зовут, не знаю, кем она доводилась пострадавшему. Все это не важно. Женщина при виде всей этой крови не упала в обморок и не помчалась в сортир. Побледнела, правда. Она стояла над этим мужиком и смотрела вылезшими из орбит глазами

то на него, то на меня. А потом она заговорила. – Сделайте что-нибудь, – сказала женщина. – Он умирает, – сказал я.

– Пожалуйста, сделайте что-нибудь.

– Он умирает.

– Прошу, сделайте хоть что-то.

– Он умирает. У него... Он все... Он умирает.

– Ну, прошу вас...

Тут раненый зашевелился, снов подтянул вытянутую ногу к животу.

– Где у вас телефон? – спросил я.

Вместо ответа женщина села на диван, уткнулась лицом в ладони, но не заплакала. Вопросов она уже не слышала. Может, у неё просто не осталось сил на все это смотреть, не знаю. Телефона я так и не нашел. Я стоял, озирался по сторонам и все не мог решить, что же мне теперь делать. Просто потерял способность принимать решения, как будто это не его, не мужика этого, а меня самого шарахнули по башке гвоздодером. Нет, я не испугался. Видел в жизни кое-что и пострашнее, чем живой человек без половины головы. На меня нашло какое-то затмение. Такие секунды бывают у всякого, тут и объяснять, по-моему, ничего не нужно. Со стороны сцена диковатая, но попробуй, влезь в мою шкуру. А женщина подняла на меня свои сухие глаза, посмотрела на белый халат, испачканный кровью, на кисти моих рук и спросила.

– А, может, это судьба?

Я промолчал.

– Знаете что, – сказала женщина, – у меня к вам просьба. Снимите с его пальца обручальное кольцо, а то я очень боюсь крови.

– В этом нет необходимости, – ответил я. – Кольцо вам вернут, когда приедут...

– Очень боюсь крови, – повторила она спокойным голосом. – А этим кольцом я очень дорожу.

Видимо, к этому моменту она окончательно и твердо решила, что перед ней стоит убийца её мужа, а не врач.

– Вы, пожалуйста, займитесь этим делом, кольцом, а я пока пойду на кухню и сварю кофе, – сказала она. – Вы любите кофе покрепче?

– Покрепче, – машинально ответил я.

Женщина находилась в шоке, ясное дело. Она и вправду поднялась с дивана и деловой походкой отправилась на кухню. А я продолжал стоять и хлопать глазами. У моих ног умирал или уже умер человек, а я стоял и хлопал глазами. Наконец, я снова опустился на корточки, но пульса у пострадавшего не было, он действительно умер.

Тут появилась первая практическая мысль. Я подумал, что на гвоздодере остались мои пальцы и не худо бы их стереть. Потом как-то сама собой вспомнилась доброжелательная физиономия следователя прокуратуры Владыкина. И тогда я принял другое решение, совсем уж оригинальное. Я стащил с себя белый халат и бросил его на ту смятую окровавленную постель. Потом взял чемоданчик, вышел в прихожую и надел пальто. Вероятно, я издавал какие-то звуки: топал ногами, ставил и поднимал чемоданчик. Та женщина крикнула мне из кухни

– Кофе скоро закипит, – голос звучал ровно. – Кстати, у меня все драгоценности пропали. Бабушкины кольца, браслеты. А у вас как дела?

– Нормально, – сказал я. – У меня все хорошо.

В банке с кофе она держала свои ценности что ли? Я вышел на площадку, неслышно прикрыл за собой дверь и вышел из подъезда. Но не на ту сторону, где стояла машина «скорой». Я вышел на улицу. Возможно, я ещё буду стыдиться этого поступка до конца дней своих, но я поступил именно так. Дошел до ближайшей остановки троллейбуса и уехал.

* * *

– А что бы ты сделал на моем месте? – Ирошников стер с губ пивную пену. – Пришел в прокуратуру и сдался на милость властей? Собственно, выбор уже сделан. Не хочу становиться козлом отпущения, на которого повесят десяток нераскрытых мокрых дел. Пусть ищут настоящего убийцу.

– Ты же знаешь, станут искать только тебя.

– Хрен с ними, пусть ищут меня, – Ирошников задумался на минуту и добавил. – Возможно, сегодня днем я просрал всю свою жизнь.

– Мне кажется, что я свою жизнь тоже просрал, много раз её просрал, – сказал Ларионов. – Но, не смотря на это, продолжаю жить. Кстати, можешь перекантоваться в моей комнате. Повезло тебе, что я разведен и что соседи хорошие. Хотя бы первое время по моему адресу тебя искать не станут. А насчет денег что-нибудь придумаем. Деньги любят, когда их зарабатывают. Значит, заработаем.

– Я понимаю, это тебе лишняя головная боль. Сам не могу случившееся переварить, представляю, каково тебе.

– Мы старые друзья, поэтому можно не играть в деликатность. Сам на днях во время случайной встречи чуть не убил бывшую жену. Окажись под рукой гвоздодер, возможно, так бы и случилось. В этом случае я позвонил бы тебе. Кстати, хорошо, что вспомнил о жене. Ее теперешний муж видный юрист, не последний человек в московской коллегии адвокатов. Своя практика и все такое. Вот бы с кем обсудить твою проблему. Его фамилия Максименков, не слышал?

– Нет, не слышал. Но вмешивать посторонних людей...

– Да он нормальный мужик, может, чем поможет. Моей бывшей жене повезло со вторым мужем. Ты не против, если я поговорю с Максименковым?

Ирошников лишь пожал плечами.

– Надеюсь, ты хоть не думаешь, что это того мужика угробил я?

– Какая мне разница? – Ларионов пожал плечами. – Ты или не ты. Мне это до фонаря, если хочешь знать. А если все-таки ты, значит, были причины. За здорово живешь человеку полбашки не отшибают.

Глава 5

Николай Семенович Розов вернулся домой с работы в самом дурном расположении духа. Как все скверно. Рядовые обыватели по субботам ходят в гости или отлеживаются на диване. А здесь ни выходных, ни проходных... И ещё хорошо, что удалось освободиться в два часа дня, в прошлую субботу он вырвался только в девятом часу вечера. Николай Семенович переоделся в трикотажный тренировочный костюм и шлепанцы с вельветовым верхом, отправился в ванну, долго натирал лицо и руки гигиеническим мылом, отдувался, с шумом выпуская из себя воздух.

– Как тяжело работать с дураками, – сказал Николай Семенович своему отражению в зеркале, потому что в данную минуту больше разговаривать было не с кем.

Отпуск что ли взять? – раздумывал Розов, вытираясь махровым полотенцем. Он уже хотел выйти из ванной комнаты, но вспомнил, что забыл прополоскать рот зубным эликсиром. Пусть на работе все катится в тартарары, а он возьмет отпуск и назло директору универмага Глушко улетит на какие-нибудь экзотические острова греть на солнце небольшую паховую грыжу. А, вернувшись, станет долго и подробно рассказывать начальнику, какие шикарные есть девочки. Пусть до того, наконец, дойдет, что свет на его жене Мариночке клином не сошелся. Может, опомнится, за ум возьмется, а не за бутылку.

Николай Семенович вышел в просторную кухню, вытащил из холодильника и поставил в микроволновую печь блинчики с творогом, включил телевизор и привычно выглянул в окно посмотреть, на месте ли машина. Три месяца назад Розов, которого всегда тянуло к американским машинам с просторным салом и высокой посадкой, приобрел «Форд Эксплорер» и остался доволен новой игрушкой. Правда, со дня приобретения «Эксплорера» Розов стал часто, может, даже слишком часто выглядывать в окно, смотреть, на месте ли его радость.

Все нервы, – решил Розов, – а жизнь в последнее время такая, одни огорчения, волнения. Распахнув дверцу микроволновки, он извлек из неё прозрачное блюдо с блинчиками. Да, новые приобретения, даже машина эта, доставляла хозяину больше тревоги, чем радости. Вчера поздно вечером он сбил «Фордом» беспризорную собаку, просто зазевался, а та уже оказалась под колесами. Плохая примета Розов, мгновенно разозлившийся на бестолковое животное и самого себя, посмотреть, не поцарапан ли хромированный бампер. Черная собака, ещё чуть дышавшая, лежала у бордюрного камня. Розов согнулся в три погибели над передком машины, слава Богу, бампер в порядке. Он сел за руль и с чувством хлопнул дверцей. Все равно, сбита собака – плохая примета. Проклятая собака.

Да и не в ней вовсе дело, и не в приметах...

* * *

Просто в последнее время хронически не везет, будто его, Розова, сглазили злые люди. А началось все с того, что младший брат Аркадий непонятно что учудил на работе, то ли украл, то ли потерял какие-то важные документы. Николаю Семеновичу звонили из службы безопасности этого кабака «Золотой тюлень», спрашивали, известно ли ему, где находится брат. Приходили и домой, но Николай Семенович не открыл дверь, сказав посетителям, что нездоров, никого принять не может, а где сейчас младший брат, представления не имеет. «Не знаю, что он там у вас натворил, – громко, чтобы было слышно с другой стороны металлической двери, сказал Розов. – Но, как говорится, сын за отца не отвечает. И брат за брата тоже не отвечает». На этом заявлении разговор оборвался, неожиданные гости ушли. Розов наблюдал из

окна, как два мужика сели в машину и укатили. Надо же, узнали его телефон, а теперь и адрес, имели наглость притащиться сюда. Видно, крепко им Аркашка насолил.

А через пару дней пришли из милиции. Один в штатском, другой в форме, майор. Этих пришлось пустить, усадить на кухне. И опять те же самые идиотские вопросы. Где ваш брат? Когда его видели в последний раз? Звонил ли он на неделе? «А я могу узнать, что все-таки случилось?» – вежливо спросил Розов Штатский и тот, что в форме, переглянулись. «С места работы вашего брата в милицию поступило заявление, – сказал майор. – Там пропали важные документы. Больше ничего сказать не могу, надо разбираться. Теперь нам нужны показания вашего брата. Если он свяжется с вами, скажите ему, что обвинений ему, скорее всего, не предъявят. Он просто свидетель». Сдвинув брови, Николай Семенович озабочено кивал головой: «Разумеется, если он со мной свяжется, все передам».

Как же, майор, рассказывай: просто свидетель. Стали бы вы бегать за несчастным свидетелем. Возможно, постановление о заключении под стражу уже лежит в кармане майора. А может, и нет, ведь милиция особо не утруждает себя формальностями. В крайнем случае, все бумажки можно оформить задним числом. Нашли кому рассказывать. Он, Николай Семенович, четверть века в торговле, тертый перетертый мужик, всякого за эти годы посмотрелся и методы работы милиции, конечно же, изучил. Этот хмырь в штатском сидел с задумчивым, каким-то скорбным лицом, будто это его брат спер документы или сделал что похуже. «Передайте брату: ему самому лучше явиться в милицию, – прощаясь, сказал тот, что в штатском. – Явиться самому, а не ждать, когда гром грянет». Заперев дверь, Розов стал раздумывать: какой смысл вложил этот опер в слова «гром грянет»? Раздумывал долго, но к определенному выводу так и не пришел. Грянет гром – перекрещусь, – успокоил Розов самого себя.

У младшего брата хватило ума не звонить Николаю Семеновичу домой. Аркашка должен понимать, что телефон слушают. Уж если милиция и служба безопасности этого кабака всерьез заинтересовались его персоной, то наверняка уже подключились к телефонной линии хотя бы самым простым способом, через распределительную коробку, что установлена в их подъезде на первом этаже. Аркашка позвонил главному бухгалтеру магазина, представился старым знакомым Николая Семеновича, иногородним, командировочным. Слезно просил найти и позвать к телефону Розова. Расчет простой, но верный: не может же милиция слушать все телефоны сразу, а бухгалтерия универсама интереса не представляет.

«Это я, – сказал Аркадий каким-то хрипловатым севшим голосом. – Надо бы увидеться, поскорее». «А ты знаешь, – начал было Николай Семенович, но, покосившись на бухгалтершу, не договорил, оборвал себя на полуслове. – Хорошо. Говори где и когда. Кстати, что это у тебя с голосом?» «Простыл немного», – брат закашлялся прямо в телефонную трубку. «Ко мне тут приходили твои друзья из ресторана, – Николай Семенович снова покосился на бухгалтершу, сосредоточено с подчеркнутым интересом листавшую молодежный журнал. Ушлая баба и на язык несдержанная. – Друзья интересовались твоим здоровьем. Встретиться с тобой хотят, поговорить. А ты координаты не оставил, они обижаются. И ещё люди о тебе спрашивали, из другой конторы. Все хотят увидеться, соскучились». «Я понял, – ответил брат. – Завтра на Сухаревской, бывшей Колхозной, наверху у выхода с эскалатора. Устроит тебя?» «Только ты не забывай, сколько друзей с тобой хотят увидеться. И все готовятся к встрече дорогого гостя, все ждут». «Я понял, – повторил брат. – Учту». «Тогда будь здоров. Спасибо, что позвонил, не забываешь».

Опустив трубку, он извинился перед бухгалтершей за беспокойство: «Старые друзья из провинции. Вы уж подзывайте меня к вашему телефону, если попросят ещё раз. А то люди из автомата звонят». Николай Семенович прошел в свой кабинет и заперся изнутри. Ясно, у Аркашки серьезные неприятности. И как помочь ему, черт не знает. Может, отправить его к сестре, пусть поживет в Подмосковье, пока здесь все немного уляжется. Но у сестры муж такая язва, с ним под одной крышей и ангел не продержится больше суток. А ещё учитель физики

и астрономии. Интересно, чему он в действительности учит школьников? Курить сигарету за сигаретой и сквернословить по поводу и без повода? Держат таких дураков в школе, а потом ещё детей ругают, почему они такие. Нет, семья сестры – это не вариант. Впрочем, идею можно подкинуть Аркашке, а он пусть решает сам.

* * *

В тот день перед встречей с братом он долго думал, как лучше улизнуть с работы, чтобы не привести с собой на Сухаревскую милицию или сотрудников службы безопасности из кабака. Возможно, все его страхи лишь наваждение, игра расстроенных нервов. Но возможно и другое: его пасут, очень квалифицированно пасут, рассчитывая, что рано или поздно он выведет заинтересованных лиц на младшего брата. В конце концов, Николай Семенович решил, что осторожность штука не лишняя. Осторожность уже сослужила в его жизни немало служб и теперь не помешает.

Оставив свой «Форд» на видном месте перед задним входом в магазин, Розов заперся в кабинете, переоделся в старое куцее пальтецо, с незапамятных времен ждавшее своего часа в стенном шкафу, натянул на самые брови торчащую из рукава щипанную кроличью шапчонку. Он вышел на улицу через торговый зал, не узнавший в этом одеянии даже сослуживцами. Поколесив по городу на такси, он спустился в метро и, покатавшись взад-вперед минут сорок, решил: проследить за ним возможно лишь в том случае, если в слежке участвовало не менее двадцати профессионально натасканных спецов. Но кто станет тратить такие силы на столь сомнительное предприятие? Он не агент иностранной разведки и вообще птица невысокого полета.

Николай Семенович явился в назначенное место, опоздав лишь на пару минут. Но брат уже стоял неподалеку от эскалатора, комкая в кулаке вечернюю газету. «Пароль не изменился? – пошутил Розов-старший вместо приветствия. – Тут недалеко один ресторанчик, пойдем посидим». «Я вообще не пью и ресторанов не люблю», – ответил брат. «Я тоже не пью, – ответил Николай Семенович. – Ты уже совсем отупел от страха. Посидеть не значит нажираться. Кофе выпьешь». Пройдя пару кварталов пешком, они зашли в небольшой полутемный ресторан, заняли столик на двоих и заказали по порции судака запеченного с грибами. Брат, не расположенный к долгому разговору, все елозил на стуле, выражая нетерпение и озабоченность. Выглядел он бледным, похудевшим. „Дыру протрешь на стуле, – сказал Николай Семенович. – Или в портках своих. Я, Аркашка, не стану тебя ругать и спрашивать ни о чем не стану. Раз ты так сделал, то сделал. В прежние времена ты думал перед тем, как действовать. Но теперь уж ничего не переиграешь“. „Я сейчас живу...“, – начал брат. „И знать ничего не хочу, – Розов-старший закрыл уши ладонями. – Знать не хочу, где ты живешь, с кем и на какие средства. Не говори ничего. А я не стану ни о чем спрашивать“. „Лады, молчу, – Аркадий закивал головой. – А у тебя как дела?“ „Как сажа бела, – в тон ответил Николай Семенович, на языке вертелись ругательства и упреки, но он сдержал себя. – Сплю со снотворным, вот как дела. Ладно, подробности письмом, давай к делу“.

Младший брат со вкусом ел запеченного судака. Хороший аппетит и неприятности его не портят, – завистливо подумал Николай Семенович. И, если приглядеться, выглядит Аркашка совсем неплохо, как показалось Розову-старшему ещё полчаса назад, даже хорошо выглядит. «Понимаешь, все это довольно быстро произошло, ну, все эти дела с бумагами, – сказал Аркадий. – Я просто не успел решить квартирный вопрос, и прошу тебя помочь». Он оторвался от еды и заглянул в глаза старшего брата: «Пожалуйста». «Что я должен сделать?» – Николай Семенович поморщился, вот она, лишняя головная боль. «Если бы можно на тебя оформить генеральную доверенность, ты продал бы квартиру, – сказал брат. – Но по доверенности сейчас такие вещи уже не делают, слишком много махинаций. Жулье одно вокруг, – он вздохнул,

словно жалея о том, что в столице развелось столько жуликов. – Через знакомого нотариуса я оформил на тебя дарственную. Бумаги готовы. Завтра нужно подъехать по этому адресу и их забрать».

Аркадий записал на салфетке адрес и передал её брату. «А послезавтра в одиннадцать утра вы встретитесь в Мосприватизации и зарегистрируете там дарственную. Это займет четверть часа и никакого риска. Нотариус свой мужик, я заплатил вперед. У него же заберешь ключи от квартиры и поменяешь замки или дверь. А прошу я тебя только об одном: найди на квартиру покупателя как можно скорее».

«Такие дела быстро не делаются, – ответил Николай Семенович. – Предложение раз в десять превышает спрос». «Найти покупателя на мою квартиру легко, – возразил брат. – Почти центр города, удачное расположение дома. Десять процентов выручки – твои». «Все равно возни много, – ответил Розов-старший. – Такая канитель, а отдавать отличную квартиру за бесценок смысла не имеет». «Так ты мне поможешь?» «А что мне остается? – Николай Семенович не стал отказываться от комиссионных, в конце концов, родственные чувства своим порядком, но его время и нервы чего-то да стоят. – Кстати, не думаешь переехать к сестре пока решается квартирный вопрос?». «Подумаю, – брат допил кофе, позвал официантку и рассчитался за ужин. – Житие у сестры можно рассматривать как запасной вариант». «Если что, снова свяжись со мной через бухгалтерию».

Через пять минут они расстались. Розов-младший ушел неизвестно куда, в ночь, старший брат взял такси и отправился забирать припаркованный у магазина «Форд».

* * *

Зазвенел телефонный звонок, и Николай Семенович, направляясь к аппарату, поставил в мойку пустую тарелку из-под блинов, поднял трубку. Короткие гудки отбоя, опять двадцать пять. Интересно, кто донимает его анонимными звонками в последние дни? Безобразие и пожаловаться некуда. Да, все раздражает, любая мелочь, значит, нервы на пределе.

Надо как– то выпустить пар. Любовницу что ли завести? Но любовница уже есть, -поправил себя Николай Семенович. Тогда вторую завести. И вторая тоже есть. И это, не считая директорской секретарши. Конечно, она не в счет. Несерьезная девица и отношения с ней несерьезные. Тогда как же выпустить пар? В баню, что ли сходить? Рыбки красной взять под пиво и паюсной икорки под водочку, венчик сухой березовый, – соблазнял сам себя Розов. На худой конец – и баня вариант. Завтра воскресенье, хороший день для бани, потому хотя бы хороший, что другого свободного дня нет и не предвидится.

Квартирная проблема, занозой засевшая в сердце Николая Семеновича, против всех ожиданий обещала разрешиться быстро и без хлопот. После разговора с братом, Розов заглянул к директору магазина и как бы между делом поинтересовался семейными проблемами начальника. «Какие уж тут проблемы, – Глушко поморщился. – Продолжаем с женой бить горшки. Стерва она все-таки». «Возможно, все и образуется, – Розов загадочно улыбнулся. – Но если уж мосты сожжены, хочу дать совет. Или мои советы пустой звук и слов тратить не нужно?» «Нет, что вы, – Глушко протестующе взмахнул руками. – К вашим советам я всегда прислушивался, – соврал, не моргнув глазом Глушко, не признававший чужого мнения. – Вы человек опытный. В таких вопросах».

«На вашем месте я бы некоторое время пожил отдельно от жены, – Розов хлопнул себя ладонями по коленкам. – Устроил бы, так сказать, запасной аэродром. Купил хорошую квартиру поближе к центру. Разведетесь, будет, где приткнуться. Останется все, как есть, – запасной аэродром наготове. Сохраняются ходы для отступления. Как моя идея?» «В случае развода нашу квартиру придется оставить за Мариной, – задумчиво молвил Глушко. – Если сейчас начать дележ имущества, последнее здоровье потеряю. Нет, этого я не выдержу».

«Тут одна оказия имеется, – Розов снова улыбнулся. – У меня брат в Израиль уехал на постоянное жительство. На меня оформил дарственную на свою двухкомнатную квартиру в прекрасном доме в районе Таганской площади. Вся обстановка, евроремонт и все такое. Рай для одинокого мужчины. Брат у меня – человек с тонким вкусом, для себя оборудовал квартиру. Вам просто необходимо её посмотреть». «Дорого?» – только и спросил Глушко. «Свои люди, о цене договоримся, – Розов добродушно хохотнул, решив, что с Глушко сам Бог велел взять подороже. – Вам сделаю скидку. Только деньги желательно отдать поскорее». Квартиру посмотрели вечером того же дня и ударили по рукам на кухне. «Деньги соберу недели за две», – сказал Глушко, настроение которого после осмотра квартиры поднялось. «Через две так через две, – ответил Розов. – А документы в один день оформим, не проблема. Удивляюсь только: чего моему брату здесь не жилось?»

* * *

Николай Семенович тревожно встрепнулся, услышав, как тренькнул звонок в прихожей. Кого ещё нелегкая принесла? Возможно, опять милиция. Снова станут изводить своими бестолковыми вопросами на засыпку. С соседями Розов дружбы не водил, гостей не ждал, значит, опять неприятный сюрприз. Крякнув, он поднялся, задев бедром стол, расплескал чай. Неслышно ступая по ковровому покрытию мягкими тапочками, он прошел в прихожую, слыша новую нетерпеливую трель звонка. В случае чего, меня нет дома, пусть хоть обзвонятся, нет дома – и шабаш, – решил он и прильнул к дверному глазку. Какой-то незнакомый мужчина со всклокоченными седыми волосами в белой майке с короткими рукавами. Нет, этого типа Розов прежде не встречал. В майке... Значит, из их подъезда. Видимо, услышав шевеление за дверью, мужчина ожил, затоптался на месте.

– Вы дома? – спросил он. – Это ваша черная машина у подъезда стоит?

– Моя, – ответил Розов на последний вопрос, но дверь не открыл.

– Я тоже подумал, что ваша, – сказал всклокоченный мужичок. – И сразу решил подняться. Я-то живу внизу, на втором этаже. Телефона вашего не знаю и решил подняться.

– А что с машиной? – заволновался за дверью Розов.

– Так это ваша машина? – бестолковый мужичок почесал шею.

– Да моя же, моя, – Розов даже застонал от досады, он даже хотел распахнуть дверь, но почему-то этого не сделал. – Что с машиной?

– Да ребята какие-то, шпана местная, в замке копаются, – мужчина пригладил волосы. – Кажись, открыть её хотят. Я подумал и к вам поднялся. Вы на машине, вроде, ездите.

Дальше Розов не слушал, он бросился в кухню, к окну, свалив на ходу стул. Действительно, возле машины стояли два парня. Один наклонился над передней дверцей, чем-то ковырялся в замке, отверткой что ли, сверху, с девятого этажа, не разглядеть. Розов, наблюдавший эту картину, чуть не вскрикнул от мгновенно закипевшей в груди ярости. Да что же это такое, среди бела дня машину вскрывают прямо на глазах её владельца? Николай Семенович опустил верхний шпингалет и поднял нижний, схватившись за ручку оконной рамы, с силой дернул её на себя.

Он хотел крикнуть этим парням в окно, чтобы немедленно прекратили безобразие, отвалили от машины. Окно не поддавалось. Розов вспомнил, что осенью рамы красили, видимо, свежеекрашенная створка пристыла к оконной коробке. Он выругался вслух самыми грязными словами, что смог вспомнить. Схватившись за ручку обеими руками, он, вложив в движение все силы, рванул окно на себя. Рама затрещала, Розов снова дернул ручку. К его ногам упал с подоконника и раскололся надвое горшок с геранью, рассыпалась по полу черная земля, но окно распахнулось. Он подался вперед, перегнувшись через подоконник.

– Сволочи, что же вы делаете? – заорал Розов не своим голосом.

Он хотел крикнуть ещё что-то, но от морозного воздуха, от волнения перехватило дыхание, спазм сжал горло. Один из парней поднял голову вверх, другой продолжал, как ни в чем ни бывало копать в замке.

– Что вы делаете, сволочи? – Розов справился с дыханием.

На этот раз голову вверх поднял тот, что копался в замке. Господи, почему не срабатывает сигнализация? Ведь уверяли, что она надежная и безотказная. Впрочем, это говорят всем и каждому, всем дуракам вроде него.

– Прекратите немедленно, скоты, – изо рта Розова вырывался горячий пар. – Я вызываю милицию.

Но угроза не возымела действия. Вот и второй парень согнулся над замком. И вправду звонить в милицию? Оставив окно открытым, Розов заметался по квартире. Тут счет на секунды, пока милиция приедет, машина будет стоять где-нибудь в гараже преступников. Так, газовый пистолет в спальне на шкафу. Нет, не в спальне, в гостиной, в верхней секции «стенки». Розов бросился в большую комнату, распахнул створки верхней секции, вытащив коробку с патронами, крупно дрожащими пальцами вскрыл упаковку. Упав в кресло, не удержал патроны в горсти, несколько патронов упали на пол, раскатились в разные стороны.

Розов переломил револьвер, рассовал патроны по гнездам барабана, отбросив в сторону коробку из-под пистолета, вскочил на ноги. В прихожей он снова споткнулся о перевернутый стул, чуть не растянулся на полу, но сумел сохранить равновесие. По квартире гулял сквозняк, ветер раздувал занавески.

У самой двери Розов подумал, надо бы закрыть кухонное окно. Но какое уж тут окно, возвращаться он не стал. Открыв верхний замок, вспомнил, что забыл переобуться. Бежать на улицу в домашних шлепанцах с матерчатым верхом, чтобы там, на снегу схватиться с преступниками, нет, это просто смешно. Он положил пистолет на галошницу, скинул тапки и, сунув ноги в зимние сапоги, застегнул обе «молнии». Он уже открыл второй замок, но тут вспомнил, что не взял ключей от квартиры. Розов чуть не завыл от досады.

Распахнув шкаф и пошарив в нем, он обнаружил ключи в дубленке и опустил связку в карман тренировочных брюк. Пулей вылетев на площадку, Розов хлопнул дверью так, что с потолка посыпалась штукатурка. Всклоченный мужчина в майке, как оказалось, ещё не убрался восвояси, продолжал топтаться на лестничной клетке, тыкая пальцем в кнопку вызова лифта. Розов приблизился к нему, угрожающе размахивая газовым пистолетом.

– Так что, это с вашей машиной балуют? – мужик залез пятерней под майку и почесал живот.

– С моей, с моей. Почему лифт не едет?

– Сломался, – мужик продолжал сосредоточено чесать пузо. – Сюда-то я на лифте поднимался.

Розов хотел было броситься вниз по лестнице, но, подумав, что лифтом получится скорее, сильно надавил большим пальцем красную кнопку. Глухо, шума движущейся кабины не слышно. Он чертыхнулся.

– Что, неприятно, когда машины-то угоняют? – мужчина в майке нагло улынулся, показав Розову порченные табаком зубы.

Николай Семенович, продолжавший тупо давить пальцем на кнопку, не стал отвечать, решив про себя, что мужик просто завистливый ханыга и несчастье соседа для него радость.

– Что, неприятно? – настаивал мужик, продолжая похабно улыбаться.

– Конечно, неприятно, – прозвучал незнакомый голос.

Розов обернулся. За его спиной стоял мужчина в черной куртке, непонятно как оказавшийся здесь, на лестничной площадке.

– Неприятно, – механически согласился Розов, почувствовавший неладное.

Он стоял, забыв о газовом пистолете, зажатом к левой опущенной руке, пялился на незнакомца в черной куртке, не его короткую прическу и равнодушное пустое лицо.

– Ох, как я вас понимаю, – сказал мужчина и ударил Розова кулаком в лицо.

Голова Николая Семеновича мотнулась в сторону, он отступил назад, выронив из разжавшихся пальцев пистолет. Розов поднес руку к разбитому носу, увидел на ладони кровь, вскрикнул, хотел что-то сказать, но не успел. Получив удар в верхнюю челюсть, Розов стукнулся затылком о стену, к которой оказался прижатым.

– Ой, не надо, – сказал Розов, поднял предплечья, чтобы защитить руками лицо.

– Он меня застрелить хотел, – пожаловался мужику в куртке другой, в майке. – У, гнида.

Развернувшись, он с неожиданной для своей комплекции силой ударил Николая Семеновича в живот. Розов вскрикнул, застонал, сгибаясь пополам, и пропустил встречный крюк в нижнюю челюсть. Лестничная клетка в его глазах перевернулась вверх ногами, но уже через несколько секунд встала на прежнее место.

– Застрелить меня хотел.

* * *

Голос соседа по подъезду доносился откуда-то сверху, словно из другого мира. Видимо, находясь в обмороке, Розов получил ещё несколько ударов по лицу и корпусу, но даже не почувствовал боли. Кровь стекала тонкой струйкой из рассеченной брови, попадала в левый глаз. Сам Николай Семенович стоял на карачках, плохо соображая, что происходит, он поднимал голову кверху, стараясь хоть что-то разглядеть. Он подумал, что это дикое бессмысленно избиение никогда не прекратится, что его забьют до смерти. На секунду показалось, что истязатели ушли, ретировались, но тут чья-то тень нависла над Розовым, заслонив свет лампочки. Розов поморгал глазами, увидел мужика в майке и тут же получил тычок острым носком ботинка в живот. Охнув, Розов повалился на левый бок. Кровь мешалась со слезами боли, от этой боли хотелось кричать и выть диким голосом.

Но Николай Семенович, ещё сохранявший остатки самоконтроля, решил: крикни он сейчас – и его убьют прямо на этом цементном полу, выложенном керамической плиткой. Розов позволил себе лишь слабый, сам собой вышедший из груди стон. Он слышал, как двое мужчин, только что жестоко избивавшие его, о чем-то переговариваются между собой.

«Ну, забыл», – сказал один. «Тогда спустись и принеси», – ответил другой. Розов старался понять, уловить смысл разговора, но почему-то не мог этого сделать, отвлекала, не давая сосредоточиться, острая пульсирующая боль в животе. Он снова застонал, чуть громче, чем прежде, решив про себя, что печень лопнула. Еще он подумал, что вот сейчас из кармана его брюк вытащат ключи, обчистят квартиру, до нитки, до последней щепки, а его труп оставят в пустых стенах. Стерев ладонью кровь с глаза, Розов рассмотрел, что теперь на площадке остался только тот мужик в куртке. Ханьга в майке куда-то исчез.

Но вот шум, раскрываются двери якобы сломанного лифта, он возвращается, протягивает своему дружку какую-то штуку, палку вроде. Что это? Не разобрать. Николай Семенович собрал последние силы, чтобы последним отчаянным криком позвать на помощь соседей, но не успел рта раскрыть. Мужчина в куртке, широко размахнувшись, ударил Розова монтировкой сначала по бедру правой ноги, затем по предплечью правой руки.

Розов явственно услышал хруст ломающихся костей и потерял сознание.

Глава 6

Егоров проглотил ложку мороженого, показавшегося приторно сладким и, сделав глоток такого же сладкого кофе с молоком, поморщился, с отвращением посмотрел на пирожное, корзиночку с заварным кремом, украшенную ядовито-красным цукатом. Девушка, сидящая с ним за одним столом, доедала свое мороженое и, кажется, не отказалась бы ещё от одной порции. Оглядев полупустой зал с высокими потолками, огромными неуютными витринами, выходящими на улицу, Егоров поежился. Трудно найти более неподходящее место для доверительного разговора с девушкой. Следовало пригласить эту Веронику в небольшой домашний ресторанчик, накормить сытным обедом и уже после трапезы под рюмку ликера или коньяка задать несколько вопросов. Впрочем, Вероника сама выбрала это кафе-мороженое и горячо настаивала на этом выборе, вольному воля.

Егоров выложил на стол сигареты и зажигалку.

– Можно ещё мороженого заказать. Тут большой выбор.

– Можно, – кивнула Вероника. – Когда я с этим справлюсь.

– Вы не торопитесь, – Егоров, наблюдая за жадным прожорливым ртом Вероники, подумал, что и сам он будучи слушателем Высшей школы КГБ на аппетит не жаловался, да и сейчас поесть не дурак. – А я вот мороженое не люблю, – сказал он, – то есть люблю, но не очень. Как его съем, так у меня настроение почему-то портится. Странно, правда? – идиотский вопрос и вообще разговор идиотский, но надо же как-то налаживать контакт с девахой.

– А у меня наоборот настроение поднимается, – Вероника откусила пирожное, запила его кофе – Сладкое стимулирует мозговую деятельность, а о фигуре заботиться мне ещё рано. Обмен веществ нарушается после тридцати, а пока я очень худая, – она подняла на Егорова бесцветные глаза, выпрашивая комплимент.

– Фигура у вас спортивная, – отозвался Егоров, решивший, что этой девушке комплименты перепадают нечасто. Плоская, неженственная, с прямыми русыми волосами, очки её портят, нос слишком длинный. – Сразу видно, что вы занимаетесь спортом. Или я не угадал?

– Не угадали, – Вероника вдруг показала Егорову острый язык в белом налете заварного крема. – Ничем таким не занимаюсь. Время жалко терять на глупости.

– И правильно, – поддакнул Егоров, не зная, как подступиться к Веронике. – В вашем возрасте о другом думать нужно, о будущем, – он многозначительно свел брови.

– Вот я о нем и думаю, – Вероника доела мороженое. – Меня ведь в институт не папашка богатенький приткнул. Сама попала, с третьей попытки. Подготовительное отделение, репетиторы, которым я платила из своего кармана. Подрабатывала чертежницей и уборщицей по совместительству. Себе в лишней тряпке отказывала, но решила поступить в престижный институт. А своих решения я не меняю.

Глаза Вероники за стеклами очков блеснули металлической искоркой.

– Это похвально, похвально такое стремление к знаниям и все такое, – Егоров с трудом подбирая слова, но получалось не то, не к случаю, с каким-то лживым пафосом. Он открыл карточку меню. – Вот тут мороженое интересное указано из манго или вот из папайи. Не хотите попробовать? – когда Вероника кивнула, он позвал слонявшегося без дела официанта в белой жилетке, заказал порцию мороженого из манго с шоколадом. – У вас тут указано, что коньяк есть, – он ткнул пальцем в карточку.

– Есть ещё и текила. Пользуется спросом, советую попробовать.

– Нет, дружок, лучше уж я по старинке коньяком отравлюсь. Триста в графинчике сделай, – он с запоздалой вежливостью посмотрел на Веронику. – Можете, ликер?

Вероника молча покачала головой.

– Только не рассказываете мне, что не перевариваете пьяниц, – Егоров повеселел. – Такие правильные девушки всегда презирают пьяниц.

– Но вы-то не пьяница, – Вероника вспомнила о пирожном.

– Я-то как раз пьяница, но умело маскируюсь под трезвенника, – Егоров достал из пачки новую сигарету. – Так о чем я бишь только что говорил? Кажется, об учении. Что оно свет. Или наоборот, не важно.

– Мы говорили о том, что в институте я оказалась не благодаря деньгам или связям своих родителей. Сама себе лбом дорогу пробила. А родители у меня бедные. Я бы даже сказала, очень бедные. Но честные, – Вероника презрительно усмехнулась. – М-да, бедные, но честные, добродетельные. Если, конечно, бедность и честность считать добродетелью. Но не о них разговор. Я мыла лестницы, чтобы заработать на приличного репетитора, а других в институт просто приводят за ручку родители.

– Действительно, несправедливо, – покачал головой Егоров, решив, что девочка ещё не избавилась от юношеской категоричности в суждениях. – Но, как принято говорить в таких случаях, жизнь все расставила по местам. Теперь вы учитесь вместе с дочками и сынками всяких там шишек. Но, в отличии от них, вы приобрели опыт, закалку.

– Вы хотите убедить меня в том, во что сами не верите, – Вероника поправила очки. – На одних все блага мира падают с неба, другим достаются по тройной цене. Лично я плачу втридорога.

– Мир несправедлив, – изрек Егоров первую же банальность, пришедшую на ум, заметив, что противоречит сам себе. Чтобы не вдаваться в детали несправедливого мироустройства и окончательно в них не запутаться, он прикурил сигарету. – И вам когда-нибудь повезет по крупному. Если не везло до сих пор, повезет позже.

– Ой, только не надо меня утешать. Мне и так себя жалко, – она облизнула некрашенные губы. – Вы так настойчиво добивались встречи со мной, откуда-то узнали мой телефон. Думаю, в деканате. А теперь вот думаете, о чем со мной говорить. Странно.

* * *

Егоров почесал затылок. Да, Романов поручил ему несложную работу, с которой справился бы и мальчишка из частного сыскного бюро, не достойную квалификации Егорова работу. Это если смотреть на дело с одной позиции, высокомерного дурака. А фактически... Фактически Романов доверил ему интимную тайну, которой не может поделиться даже с близкими людьми. Попросил его без участия всяких помощников и доверенных лиц разобраться и помочь. Взять нашкодившего мальчишку за ушко и привести его к оскорбленному, пылающему праведным гневом отцу. Романов – человек, расположения которого добиваются многие влиятельные люди, сильные мира сего. Стать начальником его службы безопасности кое-что да значит, – сказал себе Егоров и вздохнул. Но удовлетворенное тщеславие почему-то уже не грело душу.

Ясно, за прошедшую неделю, с тех пор, как в квартире Лены установлена прослушивающая аппаратура, в гостях у девушки никто не побывал, любопытных телефонных разговоров не состоялось. Какой-то художественный треп с подругами, темы самые общие: литература, обман видеозаписями, сплетни о преподавателях вуза. Все пустое. Только единожды сердце Егорова сладко заныло, словно почувствовало близкую удачу. Романовой позвонил некто Женя, поговорил о том о сем и перед тем, как положить трубку, пригласил Лену заходить к нему в любое удобное время. Сверившись с фотографиями, сделанными с записной книжки Романовой, он позвонил по нужному телефону и убедился, что загадочный Женя ни кто иной, как парикмахер, у которого Лена стриглась и делала укладку.

В другой день к вечеру Лене позвонил какой-то Эдик. Егоров трижды прокрутил запись телефонной беседы, найдя в диалоге мужчины и женщины множество двусмысленностей. Вот Эдик приятным баритончиком говорит: «Что-то ты потерялась. Не звонишь, в гости не зовешь. А я не против того, чтобы встретиться». Голос Романовой немного растерян: «Закрутилась совсем, одно, другое. Сейчас мне не до встреч». Эдик вздыхает: «А я тут хотел к тебе в гости нагреть. Проезжал мимо, но без приглашения как-то неудобно. Хотя ты знаешь, я все делаю быстро. Раз-два – и готово. Минутное дело».

Лена смеется: «Напрасно, мог бы заехать и без приглашения раз все так быстро. Какие уж тут церемонии?» «Учту, – прогудел Эдик – Хотя ты ведь сама на колесах, а моя контора в центре. Заезжай хоть завтра. А то ты у меня на работе ещё ни разу не была, все я к тебе катаюсь». Пауза в несколько секунд, вздох, очевидно, выражающий Ленино раздумье и сомнение в целесообразности такой поездки: «Ладно, в два устроит? Тогда диктуй адрес». Егоров переписал рабочий адрес Эдика в записную книжку.

Да, слишком уж много двусмысленностей. Что значит «минутное дело»? И что значит «раз-два – и готово»? Эти слова и выражения могут означать все, что угодно. В записной книжке Лены телефон никакого Эдика не значился, возможно, столь незначительный человек, что его телефоном она мараить бумагу не стала. Возможно, и обратное: человек настолько близок, что его телефон написан горящими буквами на ткани женской души. Что хочешь, то и думай. Но лишними загадками Егоров голову забивать не привык, решив установить личность Эдика на следующий же день.

По тому адресу, что Эдик продиктовал Романовой, оказалась всего-навсего сапожная мастерская. Егоров аж крикнул с досады. Теперь ясно, что «раз-два – и готово» значит снять мерку с ноги или сделать примерку обуви. Действительно ведь минутное дело.

С водолазом-лингвистом вопрос решился и того быстрее. Егоров заглянул в служебное помещение бассейна и глянул на тщедушного кривоногого мужичка средних лет с маленькой лысой головой, похожей на сжатый кулак с лохматыми ушами. И стало ясно: такого к себе не всякая худая потаскушка подпустит. Этот вариант отпал сам собой. «Вы кого-то ищете?» – спросил водолаз. Егоров молча закрыл за собой дверь.

* * *

Егоров уже выпил большую рюмку коньяка, закусил посыпанным сахаром ломтиком лимона, и почувствовал себя с своей тарелке.

– Я хотел поговорить о вашей подруге, Лене Романовой, – сказал он, обсасывая горькую корочку. – Вы ведь с ней близкие подруги?

– Допустим.

– Вы, Вероника, человек деловой, прагматичный, с вами можно без обиняков и всяких там лирических отступлений, – в эту минуту Егоров почему-то решил, что разговор обязательно получится. – Вот я и встретился с вами, чтобы поговорить о Лене.

– Я по телефону не поняла, кем вы ей доводитесь, – оборвала Егорова Вероника. – Вы родственник? И что вас интересует, её успеваемость? Учится она хорошо, правда, не очень старательно, – Вероника насмешливо прищурилась.

– Я доверенное лицо отца Лены и, конечно же, меньше всего интересуюсь её успеваемостью.

– Понятно, – заинтересовалась Вероника. – Но что вы хотите узнать от меня? – У нас состоится откровенная беседа, если вы пообещаете, что она не станет достоянием всего вашего факультета, – Егоров сладко улыбнулся. – Есть вещи, о которых широкой общественности лучше не знать. Злые языки, завистники, недоброжелатели. А Лене ещё учиться два года.

– Все останется между нами.

Вероника приложила указательный палец ко рту, и Егоров понял что завтра же она разнесет весть всем знакомым. Однако решающего значения это не имело, о беременности Лены все равно скоро узнается.

– Очень надеюсь на вашу порядочность.

Егоров просительно склонил голову на бок, меньше всего он надеялся на порядочность Вероники, но лучших источников информации пока не находилось. А тут подруга, едва ли не лучшая институтская подруга Лены Романовой, сидит перед ним. Правда, в записной книжке Романовой значились десятки мужских имен и фамилий, телефонные номера. Но если начать работать с каждым персонажем, поиски затянутся на необозримую перспективу, потребуются многие недели, а то и месяцы, чтобы сесть на хвост этого папаша.

– Дело очень деликатное. Не знаю, делится Лена с вами своими личными проблемами, но хотел бы это знать.

– Вот уж не подумала бы никогда, что у Романовой есть какие-то проблемы, – Вероника задумчиво глядела в даль.

– Личные проблемы, Бог мой, да из них соткано все наше существование, – теперь Егоров уже не собирался отступать.

– Объясните, что вы, собственно, хотите знать, – сказала Вероника. – Я не понимаю языка полупонамеков. А то наводите тень на плетень.

– Лена попала в затруднительное положение, – Егоров остался недоволен собственным косноязычием, лучше уж действительно обо всем сказать открытым текстом. – Короче, Лена беременна, – выпалил он.

– Вот как? – на лице Вероники не отразилось и тени удивления.

– И Лена не хочет сообщить отцу, кто, ну, то есть... Вы понимаете. А Юрий Сергеевич хочет знать правду, думаю, он имеет на это право. Правильно?

– Смотря что «правильно», – лицо Вероники осветила змеиная улыбка. – Если под словом «правильно» иметь в виду то, что Лена залетела. Это правильно и вполне естественно с физиологической точки зрения. Если она не хочет посвящать в собственные секреты драгоценного отца – это тоже правильно. Я лично её не осуждаю. Каждый человек имеет право...

– Пожалуйста, оставим эту демагогию.

Егоров поморщился. «Ну давай, сучка завистливая, шевели языком», – думал он, начиная злиться на Веронику.

– Мы же с вами взрослые люди, а эти разговоры о правах на тайну личной жизни и всякое такое смешно слышать от вас. Кстати, вы только что сказали, что её беременность естественное дело. В каком смысле?

– Если жить с женщиной, могут появиться дети – в таком, – Видимо, у Вероники, привыкшей, по собственным словам, платить втридорога за все блага жизни, шевельнулась та мысль, что съеденное мороженое надо ещё и отработать. – У Лены была связь, довольно долгая, с одним из наших преподавателей. С доцентом кафедры экономики Олегом Олеговичем Десятниковым. Это единственно по-настоящему серьезное Ленино увлечение, известное мне.

– Значит, сейчас эта связь оборвалась? – Егоров превратился в слух. – Я правильно понял, оборвалась?

– Правильно поняли, – Вероника уже без прежнего аппетита съела пару ложек честно заработанного мороженого и отхлебнула из чашки кофе с молоком. – Закурю, пожалуй, – она вытащила из пачки сигарету, поднесла её кончик к огоньку протянутой Егоровым зажигалки. – Эта интрижка проходила у всех на виду, так что, никаких секретов я не раскрыла. А оборвалась месяца четыре назад или три. У Лены какой срок?

– Не знаю, – соврал Егоров. – Меня в эти тонкости не посвящали. А что из себя представляет этот Десятников, ну, возраст, семейное положение, внешность.

– Возраст? – Вероника втянула в себя сигаретный дымок. – Что-то около сорока. Женат. Вот насчет детей... Кажется, дентьми не обременен. И супруга у него интересная женщина, не знаю уж, чего мужчины на стороне ищут. А его внешность, это на чей вкус. Черноволосый такой, подтянутый, гимнастический зал посещает, одевается стильно. Вообще-то симпатичный мужик, но не в моем вкусе. Слишком уж выпендривается, выкаблучивается. Чувствует, что бабам нравится. Не люблю таких, а Ленка вот клюнула.

– И долго продолжались их отношения?

С радости Егоров нацедил себе ещё одну полную рюмку, решив, что эта уж точно последняя, вечером предстоят дела. Теперь он смотрел на Веронику почти что с нежностью, самые смелые ожидания оправдывались. Егоров давно заметил, что лучшие подруги при удобном случае предают друг друга не просто охотно, но как-то азартно, самозабвенно.

– Продолжались отношения? – привычно переспросила Вероника. – Может, полгода или что-то около этого. Как видите, хватило времени, чтобы забеременеть. С первого семестра Десятников вел у нас семинары, учил экономической грамоте в свете последних веяний моды. Он умеет складно говорить, язык подвешен. Ходит взад-вперед по аудитории и упражняется в риторике. Потом вдруг неожиданно остановится, посмотрит на самую симпатичную девушку: «Вы со мной согласны? Возможно, хотите что-то добавить? Или вспомните живой пример по нашей теме?» И так задумчиво смотрит, подбородок поглаживает, будто его и вправду какой-то живой пример интересует. «А знаете что, останьтесь после занятия, поговорим. На моих занятиях важно не просто присутствовать. Нужно ещё и участвовать в работе. Вы меня понимаете? Один, без вашего участия, я не смогу ничего сделать». Ему бы в самодеятельности выступать.

– И с Леной он оставался после занятий? – Егоров закашлялся. – Материал ей объяснять учебный?

– Она у нас самая интересная в группе, – Вероника выудила из пачки Егорова новую сигарету. – Ну, не то чтобы интересная, эффектная. Одевается в самых дорогих магазинах. Своей портной, свой сапожник, свой визажист. На её месте самая занюханная девчонка выглядела бы по меньшей мере эффектно, – Вероника печально покачала головой, её глаза затуманила грусть. – Я бы на этого прощельгу даже и не посмотрела бы, с его дополнительными занятиями. По существу, этот доцент дешевка. И подход к женщинам у него такой однотипный: прилипнет со своими семинарами, прости Господи, как банный лист. А дальше по стандартной программе: ресторан, постель. Дура все-таки Ленка.

– А почему она порвала с Десятниковым?

Егоров после короткой внутренней борьбы убедил себя в том, что ещё пятьдесят грамм коньяка заслужил честно. Вот все и выяснилось, вот она, прямая дорожка к истине.

– Что тут удивительного? – видимо, Вероника вспомнила фразу из женского романа. – Жизнь – это бесконечная череда потерь и находок. Хотя я считаю, что Десятников потеря не великая. Пользуется положением, вправляет молодым дурам мозги. По слухам, ему предлагали повышение, административную работу, так отказался. Он де с преподавательской работы уходить не хочет, без этого он себя не мыслит. «Это мое призвание», – так он выражается, – Вероника хихикнула.

– Спасибо, вы мне очень помогли, – Егоров пока что никуда не торопился, но продолжать разговор ему расхотелось. – Вам случайно деньги не нужны? В займы или как? Или на безвозвратной основе?

– Нет, не нужны, – Вероника гордо вскинула голову и посмотрела на Егорова с вызовом. – Деньги мне не нужны, – повторила она, – убежденная в том, что предательства совершаются из корысти. А нет корысти, нет и предательства. Так, разговор душевный.

– Я из добрых побуждений предложил, – Егоров пожал плечами. – Сам был студентом. Счастливые, кстати, годы студенческие.

– Конечно, счастливые, – согласилась Вероника. – Счастливые, но трудные.

* * *

Вербицкий встал с кресла, чувствуя усталость после только что состоявшегося разговора с женой. Если отбросить налет эмоций, Таня права в одном: она целыми днями одна дома, скучает, его ждет, ей одиноко. И так тянутся долгие недели и месяцы. Он щелкнул замками чемоданчика, проверил, не кончились ли разовые шприцы. Кое-какой запас ещё остался. Все на месте, лекарства, белый халат. Вербицкий прошел в спальню, сбросил спортивный костюм, надел белую сорочку и темные брюки. Действительно, пусть Таня пойдет работать, разве велико удовольствие для молодой женщины целыми днями дома киснуть? Пусть потрудится в женском коллективе, каком-нибудь жутком гадюшнике, ведь в этих домах культуры и музыкальных школах женщины основной контингент, неустроенные в жизни женщины, завистливые к чужому благополучию, злые на язык.

Там она быстро за голову схватится, домой примчится как миленькая. Разглядывая свое отражение в зеркале, Вербицкий решал, повязать ли галстук, выбрал темный, одноцветный – солидно. Яркие легкомысленные галстуки – это не для врачей. Переобуваясь в прихожей, он решил сказать несколько теплых слов жене, чтобы та весь день не держала на него обиды, не дулась как мышь на крупу. Пройдя в кухню на звук льющейся из крана воды, он подошел к Тане, обнял её за плечи и, опустив голову, чмокнул в щеку.

– Не подумай, что я против того, чтобы ты устроилась на службу. Даже наоборот. Если работа будет доставлять тебе хоть какое-то удовольствие, трудись. Конечно, те жалкие гроши...

– Да не в этих копейках дело, – Таня выключила воду и вытерла руки салфеткой. – Я пять лет проучилась в институте, у меня есть кое-какие знания, способности есть, которые теперь оказались лишними, невостребованными. А ты не хочешь этого понять. Я просто задыхаюсь в четырех стенах, чувствую себя никому не нужной.

– Ты мне нужна.

Вербицкий погладил жену по плечу. Он подумал, что дальше откладывать с ребенком нельзя. Появится на свет их первенец и сразу все станет на место. Кончатся эти пустые споры о работе и других пустяках, а жена, наконец, поймет, что создана вовсе не для того, чтобы учить нотной грамоте чужих детишек. Однако он не стал вслух высказывать свои соображения, не та тема, чтобы обсуждать её походя. Да, с ребенком тянуть не следует. Вербицкий ещё раз поцеловал жену и с озабоченным видом посмотрел на часы.

– Пора идти. Договорим, когда вернусь. У одного моего больного жена – директор музыкальной школы. Попрошу помочь в твоём трудоустройстве.

– Что на ужин приготовить?

– На твое усмотрение, – Вербицкий вышел в прихожую, надел кожаную куртку, меховую шапку и клетчатый шарф.

Поцеловав Таню на прощание, он вышел из квартиры, спустился вниз на лифте и неторопливо дошагал до троллейбусной остановки, помахивая чемоданчиком. Проехав пару остановок до хозяйственного магазина, Вербицкий побродил вдоль ряда частных торговцев, вспомнив, что надо бы поменять под кухонной мойкой треснувший сифон. Но с этим успеется, а в чемоданчике нет лишнего места, полна коробочка. Вербицкий подошел к другому продавцу, пьяненькому дядьке, вывалившему на свой лоток скобяные изделия и кое-какой инструмент.

Выбрав молоток с рифленой пластмассовой ручкой, Вербицкий расплатился, завернув покупку в газету, пристроил её в чемоданчике. Он зашел в хозяйственный магазин, бегло посмотрел образцы обоев. Зима уже скоро закончится, нужно подумать о ремонте квартиры. Пожалуй, светлые обои с мелким рисунком хорошо будут смотреться в большой комнате. Нужно приехать сюда вместе с Таней, пусть сама посмотрит. Вербицкий спустился в метро и купил жетоны.

* * *

Вагон качало из стороны в сторону. Вербицкий, сосредоточенный на мыслях о предстоящем ремонте, не сразу вспомнил, на какой остановке выходить. Поднявшись в город, он прошел пару кварталов, свернул в переулок и ускорил шаг. Занимался морозный яркий день, солнце, растопив низкие снежные тучи, засверкало в голубом небесном просвете. Зайдя через арку во двор мрачного семиэтажного дома, он нашел нужный подъезд, пешком поднялся на четвертый этаж. Переведя дыхание перед двустворчатой крашеной дверью, он нажал кнопку звонка. С другой стороны послышались медленные старческие шаги, покашливание. Звякнула цепочка, дверь на пару секунд приоткрылась и снова захлопнулась, чтобы распахнуться настежь.

– Здравствуйте.

Вербицкий шагнул в прихожую, поставив на пол чемоданчик, подождал, когда глаза привыкнут к полумраку.

– Вы очень пунктуальны.

Вербицкий скинул куртку и шапку, переобулся в тапочки.

– Куда мне пройти?

– Направо, в комнату, – Мария Феоктистовна показала рукой, куда проходить.

– Хорошо, – захватив с собой чемоданчик, Вербицкий свернул в комнату, замешкался на пороге, разглядывая сервированный круглый стол посередине комнаты. – Стоило ли беспокоиться?

Вербицкий вопросительно посмотрел на вошедшую следом старушку.

– Как же не стоило? – та всплеснула руками. – Вы-то беспокоитесь обо мне. Сами работаете на «скорой» и находите время навестить больную. Наверняка, это в ваши служебные обязанности не входит, – Мария Феоктистовна посмотрела на Вербицкого лукавыми глазами старой кокетки. – И даже денег не берете. Знаете, меня ваше бескорыстие даже настораживает. Впрочем, «настораживает» не то слово. Изумляет до глубины души ваше бескорыстие. Это так не современно, не брать денег. Прошу к столу.

– В таком случае, я с вашего разрешения помою руки.

Вербицкий опустил чемоданчик на пол, вышел из комнаты и, заперевшись в ванной, тщательно вымыл руки и лицо, причесал волосы. Вернувшись, он занял венский стул с гнутой деревянной спинкой и стал ожидать возвращения из кухни хозяйки. Старуха поставила перед Вербицким тарелку с куриными котлетами, картофельным пюре и зеленым консервированным горошком.

– Вы меня балуете, – после прогулки по морозу Вербицкий испытал приступ аппетита, чуть не облизнулся. – Вы меня балуете, – повторил он и, не дожидаясь отдельного приглашения, взялся за вилку, но старухи уже не оказалось в комнате, она вернулась через минуту с початой бутылкой хорошей импортной водки и пустой рюмкой.

– Пожалуйста, перед едой, – она поставила бутылку перед Вербицким. – Наливайте сами, боюсь пролить. Руки трясутся, стали слабыми.

Вербицкий решил не отказываться. Наполнив рюмку под ободок, осушил её в два глотка, ещё раз повторил, что хозяйка балует его и, если так пойдет дальше, избалует окончательно.

– Еще большой вопрос, кто кого избалует, – сказала Мария Феоктистовна, внимательно наблюдавшая за тем, как Вербицкий поглощает пищу. – Вы у меня в гостях уже третий раз и не взяли с меня за свои визиты ни копейки. Значит, есть ещё на земле бескорыстные люди. Не все деньгами испорчены.

– Не все, – кивнул Вербицкий. – Но многие.

– Две мои лучшие подруги скончались, муж умер ещё семь лет назад, – продолжала старуха. – Из родственников только брат и племянница. Брат младше меня, но тоже сильно болеет. Его старший сын, о нем я вам уже рассказывала, он пьяница. Торгует у метро шоколадками. А племяннице все некогда ко мне заехать, навестить старуху. Дефицит общения. Я ведь не пойду к подъезду сплетничать со здешними старухами. Они мне не компания. Да и о чем мне с ними разговаривать? Нет, не стану я топтаться с этими бабками даже от большого одиночества, не то воспитание у меня. А вы наливайте себе ещё водочки.

– Спасибо, достаточно. Как чувствуете себя? Эти дни сердце не беспокоило?

– Слава Богу, – Мария Феокистовна улыбнулась. – С тех пор «скорую» не вызывала, как вы приезжали. Тогда я очень не хотела, чтобы меня забрали в больницу. Боюсь больниц. Хочу умереть в своей постели, а не на казенной койке.

– Чтобы забирать вас в больницу показаний не было, – Вербицкий ел не спеша, со вкусом. Старуха совсем неплохо стряпала. – Сейчас нам дают неплохую технику. Кардиограмму можно на дому снять. Это упрощает задачу, не нужно попусту людей, у которых слегка сердечко прихватило, возить в больницу. А у вас тогда случился приступ тахикардии, и давление ещё подскочило. Возможно, это связано с изменениями погоды. Витамины в таблетках купили? В вашем возрасте лучше усваиваются именно синтетические витамины, а не натуральные.

– Витамины уже две недели принимаю, – Мария Феокистовна встала, взяла с серванта упаковку витаминов и вернулась к столу. – Вот какие.

– Хорошие, – кивнул Вербицкий. – Плюс полный набор минеральных веществ. И не слушайте того, кто говорит, что отечественные витамины лучше импортных.

– Да кого мне слушать кроме вас, – Мария Феокистовна поправила воротник желтой в черный горох блузки. – Уже ноги у меня не те, чтобы по поликлиникам каждый день бегать, как другие. Может, я уже рассказывала об этом и теперь повторяюсь, но за свою сознательную жизнь я работала в общей сложности всего-то восемь лет. Просто не было такой необходимости, чтобы ходить на службу. Мой покойный муж занимал высокие должности во Внешторге, часто бывал за границей. Хорошая, денежная работа. Петр Петрович был старше меня, а с детьми у нас не получилось. Словом, я ни в чем не знала отказа. Дорогие шубы, побрякушки, государственная дача, прислуга. Мы очень хорошо жили. Я следила за собой. Ходила в бассейн, зимой на лыжах. Словом, за жизнь я не изработалась, как кляча. Вот только ноги слабеют все сильнее.

– Старайтесь ходить, проводите время на воздухе, – посоветовал Вербицкий. – Ноги сейчас посмотрим. Кстати, моя жена тоже дома сидит, но рвется на работу. Она тоже моложе меня на двенадцать лет.

– Какие пустяки, – старуха вздохнула. – Мой Петя был старше меня на двадцать лет. В семейной жизни возраст не главное. А своей супруге посоветуйте не на работу ходить, а найти себе какое-то занятие по душе. Просто безумие просиживать молодую жизнь в присутственном месте. Впрочем, вашей зарплаты должно быть на двоих не хватает.

– У меня хороший оклад, – ответил Вербицкий, но старуха, похоже, не слушала.

– Была бы я моложе, не вылезала из машины. Гоняла бы в свое удовольствие. И еще, конечно же, спорт. Это так отвлекает от скучных бытовых проблем. У вас есть машина?

– Есть «Жигули», старенькие уже.

Вербицкий насыпал в чашку растворимый кофе, добавил сахар, залил смесь кипятком из чайника.

– Не остыл? – Мария Феокистовна придвинула ближе к Вербицкому вазочку с карамелью. – Посадите свою жену за руль, и вскоре она забудет все мысли о работе, с утра станет просить у вас ключи. У нас с Петей была «Волга». Все кончилось со смертью мужа. Знаете, смерть Петра Петровича, хоть он был уже стариком, стала для меня таким потрясением, будто

мне залезли в грудь рукой и вытащили оттуда сердце. И сердца больше нет, а я все живу, уже без него, без сердца.

Вербицкий постарался ободряюще улыбнуться.

– Прошлый раз вы говорили, что у меня давление повышено, – вспомнила старуха. – Какое-то лекарство советовали купить. Название я записала, но бумажка потерялась где-то.

– У вас и верхнее и нижнее давление повышено. С верхним все понятно: волнение, реакция на врача. Обычное дело. Но почему повышено нижнее, почечное давление? Сейчас мы снова измерим давление, но в любом случае вам надо записаться на УЗИ. Теперь эти аппараты есть почти в каждой поликлинике, – он допил кофе и отказался от второй чашки.

* * *

Вербицкий передвинул стул к дивану, раскрыл на коленях чемоданчик, достал и положил на диван тонометр, фонендоскоп, накинул поверх пиджака белый халат.

– Как интересно, у вас в чемоданчике наручники, – старуха неожиданно для Вербицкого возникла за его спиной. – Скажите, зачем врачу наручники? Простите за любопытство.

Вербицкий, стараясь скрыть замешательство, почесал затылок. Вот же старая клизма, во все нос сунет, наручники углядела.

– Пациенты иногда попадаются буйные, – ответил он. – Наручники такая же необходимая вещь как, скажем, одноразовый шприц. Бывает, на вызов нужно отправлять бригаду психиатров, а вместо неё посылают линейную бригаду. А у пациента острый алкогольный психоз или что-то в этом роде.

– Это понятно, при такой-то жизни свихнуться недолго, – Мария Феокистовна села на диван. – Вам наручники на работе выдают?

– Нет, сам их купил, – Вербицкий не стал ничего выдумывать. Вот привязалась, ведьма, к наручникам будь они неладны. – Подошел ко мне на улице один пьяница, на бутылку ему не хватало, оказалось, сотрудник охранного агентства. Я ему купил бутылку, а он помог мне купить наручники. Их ведь простым смертным не продают. А сотрудник охранного агентства имеет право купить по своему удостоверению.

– И пригодились они вам, наручники-то?

– Сколько раз, – Вербицкий придвинул свой стул ближе к дивану. – Рукавчик поднимите, пожалуйста.

Старуха наклонила голову, стараясь расстегнуть пуговицу на манжете блузки. Вербицкий придвинул стул ещё ближе к дивану.

– Вам помочь? – спросил он и, коротко размахнувшись, ударил Марию Феокистовну открытой ладонью в висок.

Старуха, тихо охнув, повалилась спиной на диван. Достав из «дипломата» лейкопластырь и ножницы, Вербицкий отмотал и отрезал от рулончика белый прямоугольник и заклеил старухе рот. Он поднял на руки легкое тело Марии Феокистовны, перенес её к окну и положил спиной на пол. Вернувшись к чемоданчику, он вынул наручники, те самые, которые так заинтересовали хозяйку дома, затем под коробочками с лекарствами отыскал вторую пару наручников. Вербицкий склонился над старухой, надел стальные браслеты сперва на левое потом на правое запястье, поочередно пристегнул худые руки к нижней трубе радиатора.

– Вот и ладненько, – сказал он самому себе.

Вербицкий уселся на стул и не торопясь, с удовольствием выкурил сигарету, стряхивая пепел себе под ноги. Мария Феокистовна лежала, не шевелясь и, казалось, уже не дышала. Вербицкий опустил окурочек в недопитую чашку кофе. Промокнув ватный тампон в склянке нашатырного спирта, он склонился над старухой, поводит тампоном у неё перед носом. Мария

Феоктистовна открыла глаза. Вербицкий дернул за краешек лейкопластыря, отклеивая его от подбородка. – Если будешь кричать, снова залеплю рот.

Вербицкий опустил клочок ваты в карман халата. Старуха, приходя в себя, водила головой из стороны в сторону, очумело округляла глаза и сопела, дергая пристегнутыми к трубе руками.

– Слышишь меня? – спросил Вербицкий. Старуха тихо пискнула в ответ.

– Мне руки больно, – сказала старуха так тихо, что Вербицкий едва расслышал слова.

– Потерпи немного.

Он проверил, свободно ли открывается балконная дверь. Она поддалась легко, прохладный ветерок бросил в комнату горсть снежинок. Закрыв дверь, Вербицкий шагнул к старухе, наклонился вперед.

– Вы не дергайте руками, тогда запястья не будут сжимать браслеты, лежите спокойно, – посоветовал он.

Вербицкий нашел на дне чемоданчика молоток, передвинул стул к ногам старухи и сел на него.

– Поговорим?

Он крепко сжал ладонью рифленую ручку молотка.

– Боже мой, Боже, что я наделала? – всхлинула старуха.

Вербицкий расхохотался в голос и, отсмеявшись, повторил вопрос. Старуха не ответила. Из уголков её глаз выкатились мелкие слезы, стекли по вискам и затерялись в морщинах кожи.

– Или мы поговорим, – Вербицкий переложил молоток из руки в руку. – Или будет очень больно.

– Что я наделала, что наделала...

Старуха давилась словами, всхлипывала. Вербицкий привстал, ногой отбросил стул. Опустившись на корточки, оголил колено Марии Феоктистовны и поднял молоток. Мария Феоктистовна, кажется, ничего не увидела. Глаза ей застилала слезы. Вербицкий ударил молотком по колену. Старуха вскрикнула, застонала в голос, Вербицкий даже испугался, что она снова потеряет сознание.

– Ну, скажи мне что-нибудь, – он ближе склонился к старухе, чувствуя, что начинает звереть. – Скажи мне что-нибудь, сука старая.

Он поднял молоток, готовясь нанести следующий удар в щиколотку левой ноги.

– Пожалуйста, – старуха снова застонала в голос. – Пожалуйста...

– Что, пожалуйста? – Вербицкий заскрипел зубами.

– Не надо, – старуха сглотнула слюну. – Там все. На кухне. В полках банки с крупой. Не надо только...

* * *

Вербицкий заклеил рот Марии Феоктистовны пластырем, прошел на кухню. Распахнув дверцы полок, он принялся ссыпать сначала на пол, а затем в раковину содержимое жестяных банок с крупой.

Вот оно. Толстая пачка валюты в банке с гречкой, золотые кольца в целлофановом пакете, отдельно браслеты с камушками, ещё одна пачка долларов. Что ж, добрый улов. У этих старух никакой фантазии. Все они держат ценности и деньги либо в ящиках с постельным бельем, либо на кухне в банках с крупой. Сегодня удачный день. Покончив с банками, он прошел в ванную, сорвал с кронштейна клеенчатую в цветочек занавеску. Подумал, если обшарить в квартире все углы, пожалуй, можно найти ещё одну старухину захоронку, но сразу же отказался от этой мысли. Жадность и азарт – вот что губит людей, – решил Вербицкий.

Он вернулся в комнату, волоча за собой клеенку. В неё он завернет труп Марии Феоктистовны. Тело проморозится на балконе и спокойно пролежит до поздней весны, пока гнилостный запах не распугает соседей. Он покосился на молоток, лежавший на полу. В этих сухоньких старушках почему-то много крови. Откуда она, эта кровь, только берется и как помещается в маленьком тельце? Можно, конечно, сделать бабке укол. Скажем, внутривенно два кубика однопроцентного клофелина, – раздумывал он.

Старуха худая, значит, препарат всосется минут через семь. Разорвутся сосуды мозга – и готово дело, никакой крови. Уже через три-четыре часа в организме не останется и следа препарата. Экспертам будет весьма затруднительно доказать факт насильственной смерти. Да и кто станет проводить исследования? Министр что ли умер или директор центрального рынка? Всего-навсего одинокая старуха. Кто станет возиться? Стоя посередине комнаты, Вербицкий почесывал переносицу.

И все– таки этот вариант, хотя и привлекательный, никак не подходит. От укола останется след и выведет этот след... На кого он выведет? А ведь следствие может пойти в правильном направлении. Нет, лишние осложнения ни к чему, а береженого Бог бережет. Куда перспективнее выглядит убийство на бытовой почве. Зашел, скажем, к богатой тете нелюбимый племянник, тот алкаш, что торгует шоколадками у метро, попросил денег. Тетка, разумеется, отказала: на одну пенсию живу. И вот он, печальный результат...

Вербицкий сел на стул, закурил сигарету. Быстро он управился. Остались мелочи. Стереть пальцы с тех предметов, где они могли остаться, собрать «дипломат». Старуха плакала на полу, сопела, издавая то ли мычание, то ли негромкие стоны.

Отправив окурок в чашку с чаем, Вербицкий поднял с пола молоток, наклонился над старухой.

Удар пришелся точно между остекленевших от ужаса глаз.

Глава 7

Курительная комната клуба «Элеганс» тонула в табачном дыму. Романов, закончивший ранний ужин, перебрался сюда, чтобы выпить чашку кофе и рюмку бурбона «Четыре розы». Устроившись в кресле за овальным столиком на двоих, он пригласил Егорова сесть рядом, вытянул ноги к решетке камина и стал смотреть на полыхавшие оранжевым пламенем сосновые поленья. Сытный ужин и оживленный застольный разговор не настроили Романова на веселый лад. Только что прибывшему в клуб Егорову шеф показался мрачным и раздраженным.

– Виделся с однокурсницей Лены. Не хочу обнадеживать вас раньше времени, но, кажется, свет в конце тоннеля уже виден.

– Вот как? – оживился Романов. – И что же это за экземпляр?

– Преподаватель, доцент из Ленинского института.

Егоров коротко пересказал разговор с Вероникой, наблюдая, как на скулах Романова играют желваки. Видно, настроение начальника испорчено окончательно.

– Этот доцент Десятников темная лошадка, надо за ним понаблюдать, выяснить, что за человек, – закончил рассказ Егоров.

– Насрать мне, что он за человек, – Романов поморщился, сигарный окурок полетел в камин. – Личность мне его и так ясна, хотя этого Десятникова я и в глаза не видел. Доцент, одно слово. Жалкий человек с жалкими умственными способностями, получающий жалкие гроши за свою жалкую работу, – Романов надул щеки и, видимо, остался доволен той унижительной характеристикой, что дал Десятникову. – На девках отыгрывается, самому себе доказывает, что он мужик.

– Поживем – увидим, – помялся Егоров.

– Сегодня снова пытался поговорить с Ленкой начистоту. Отмалчивается или врет. Она с детства такая врушка, с самого детства. Дай соврать, хоть хлебом не корми. Бывало, приду с работы, устану, как собака. Так вот, сяду напротив дочки. Скажу ей: ну-ка соври мне что-нибудь, Лена, ради смеха. И она заливается без умолку. Соловьем заливается. Думал, со временем это пройдет, вранье. Не прошло. Вот уж эти дети, детишки наши, – Романов смотрел на ярко полыхавшее в камине пламя. – Сеешь жито, вырастает лебеда.

– Все ещё выправится, – сказал Егоров и спросил себя: что вообще может выправиться в этой ситуации?

Романов хотел плюнуть в камин, но сдержал желание.

– Ну, а что с Розовым? Где теперь этот тихоня, бухгалтер наш драгоценный?

– Думаю, он в Москве, – Егоров прикурил сигарету.

– Думаете или уверены? – Романов никак не мог справиться с раздражением.

– Он в городе. Розой-старший, брат нашего бухгалтера, работает в торговой сети. Мы навестили его, пытались выяснить, где брат, по-хорошему. Но он нас и на порог не пустил. Установили наблюдение, подключились к телефону, но и эти меры ничего не дали. Очень осторожный человек. Однако наш бухгалтер сумел каким-то образом наладить с братом контакт. Более того, они встречались. Старший Розов занялся продажей квартиры младшего, все документы уже у него на руках и покупателя быстро нашел – своего завмага. Но до окончательного денежного расчета дело не дошло. Случай помешал.

– Что за случай?

– Можно сказать, несчастье с человеком случилось, – Егоров, не любивший откровенных разговоров в незнакомых местах, обвел пол и потолок зала выразительным взглядом Романов, заметив этот взгляд, только кивнул головой.

– Детали мне не известны, – продолжил Егоров. – Кажется, у Розова хотели украсть машину. Хулиганы какие-то. Он видел все это дело из окна. Заволновался человек, не помня себя, выбежал из квартиры, вниз помчался. И с лестницы вниз кувырком. Или не с лестницы.

– И что с ним, беднягой, случилось? Ну, после падения с этой лестницы?

– Говорят, упал неудачно, – Егоров щелкнул языком. – На редкость неудачно. Бедро себе сломал правое и руку правую. Волновался очень из-за машины. Теперь лежит в больнице на вытяжении, лечится. Эта музыка месяца на два, не меньше.

– Эко его угораздило, – огоньки камина ярче засветились в глазах Романова. – Осторожнее надо по лестницам скакать.

– Сестра Розова, та, что проживает в Подмоскovie, извещена о несчастье с братом, – сказал Егоров. – Но младший брат, может быть, ничего не знает. До сих пор старшего в больнице не навещал, – Егоров тронул Романова за рукав и понизил голос до беззвучного шепота. – В больнице его ждут. Днем и ночью ждут.

Романов кивнул головой, давая понять, что последние слова Егорова услышаны, и поднял вверх большой палец.

– Так что, может по глотку виски за здоровье этого несчастного? – предложил он, потирая ладони. – Чтобы на поправку пошел?

– Никак не получится, – ответил Егоров и снова перешел на язык туманных иносказаний. – На сегодняшний вечер у меня назначена встреча с одним иностранцем. Мистером, как там его, имя-то забыл. Так что выпить не могу, а то подумает иностранец, что русские больно на водку падкие.

– Где вы встречаетесь с иностранцем?

– Не определились пока. Сейчас он вместе с переводчицей отдыхает в ресторане «Метрополь». Как только они начнут закругляться, мне дадут знать, – Егоров похлопал себя по карману, где лежал сотовый телефон.

– Вы уж покажите гостю нашу прекрасную столицу. Во всем её великолепии. Кстати, и переводчице не вредно с городом познакомиться. А то иностранный язык они выучат, а города своего не знают.

– И переводчице город показать, вы так считаете?

– Хотя бы немного, – Романов расплылся в улыбке. – Ну, самую малость. Слегка. А то обидно за москвичей, в таком городе живут, а по сторонам не смотрят. И день вы удачный выбрали для осмотра. Огоньки и все такое. Красотища. Сам бы с вами поехал, полюбовался зрелищем, да не могу. Желаю приятно провести время.

Романов подмигнул Егорову, ещё раз давая понять, что его работой доволен.

* * *

Егоров выключил габаритные огни автомобиля, достал из бардачка небольшой бинокль, похожий на театральный, и принялся разглядывать застекленный подъезд дома, в котором снимал квартиру Майкл Волкер. В парадном, как в большом аквариуме, плавала полная женщина в красном пальто с меховым воротником. Вот она вытащила из ящика газету, покопалась в сумке и, поднявшись по ступенькам к лифту, исчезла. Егоров от нечего делать поднял бинокль и стал разглядывать освещенные окна: разноцветные занавески, мечутся чьи-то прозрачные тени, вот кто-то подошел к окну третьего этажи, смотрит вниз. Но что можно разглядеть на улице в такую темень? Положив бинокль на колени, он услышал звонок и раскрыл трубку сотового телефона. «Вот и прекрасно», – Егоров дал отбой.

– Что слышно? – спросил с заднего сидения помощник Егорова Илья Воронин и потерял вечно стоящие дыбом седые волосы.

– Они уже на полдороге. Охрану Волкер отпустил ещё до того, как они с переводчицей зашли в кабак. Значит, они будут здесь минут через пятнадцать. Пора готовиться.

Егоров обернулся и стал наблюдать, как сидевший рядом с Ворониным молодой верзила Костя Смирнов расстегнул «молнию» дорожной сумки, скинул с себя кожанку. Не зажигая света в салоне, Егоров посветил на заднее сидение фонариком. Вместо куртки Смирнов надел пятнистый от грязи плащ цвета хаки, на голову нахлобучил мятую морскую фуражку с треснувшим пополам козырьком.

– Ну, как видок? – спросил он Егорова, надвигая дефектную фуражку на самые уши. – Три дня не брился ради сегодняшнего дела. Дух тяжелый от этих тряпок. Они уж все истлели, воняют.

Воронин просовывал руки в рукава дохлой, прожженной на груди телогрейки, натягивая на голову красную шапочку с вышитой надписью «Спартак». Достав из сумки початую бутылку водки, он отвернул колпачок, плеснул жидкость в ладонь, растер водкой шею, окрапил нищенское одеяние.

– Сразу легко дышать стало, прямо озон живой, – он передал бутылку Смирнову, тоже спрыснувшему одежду.

Прополоскав водкой рот, Смирнов раскрыл дверцу, сплюнул на снег.

– Фу, отрава, – он отдал бутылку Воронину.

– С Богом что ли? – спросил Воронин сам себя.

Дважды основательно прополоскал рот водкой, но не сплюнул, а проглотил. Он сделал третий большой глоток, поднес к носу пахучий рукав телогрейки.

– С Богом, – сказал Егоров. – Как закончите, двигайте сюда.

– Лады, – кивнул Воронин и снова хотел приложиться к горлышку, но Смирнов остановил его руку.

– Осади немного, – сказал он.

Воронин вылез из машины, вразвалочку зашагал к подъезду, зажав в руке бутылочное горлышко, как ручку гранаты. Если бы не легкомысленная шапочка «Спартак», он мог бы сойти за солдата, идущего на вражеский танк в свой последний бой.

– Кажется, Воронин вдохновился.

Костя Смирнов застегнул «молнию» на сумке, путаясь в полах плаща, вылез из машины, тихо хлопнув дверцей. Там, на улице, он ещё что-то говорил, но Егоров не слышал. Чтобы чем-то себя занять, он поднес к глазам бинокль. Воронин со Смирновым уже вошли в парадное, о чем-то беседуя, как старые закадычные собутельники, расстелили газету на ступеньке лестничного марша, ведущего к лифту. Смирнов то и дело снимал с коротко стриженной головы морскую фуражку, перекладывал её из руки в руку и чему-то посмеивался.

Егоров заметил Волкера в компании переводчицы с опозданием, когда иностранец уже распахнул перед женщиной дверь парадного.

Оставив машину на платной стоянке в трехстах метрах от дома, где снимал квартиру, Волкер с непокрытой головой прошелся по легкому морозцу, поддерживая спутницу под локоть. После ужина в он пребывал в хорошем настроении. Сейчас он поднимется в квартиру, дождется звонка матери из Нью-Йорка, которая связывалась с сыном каждую неделю в условленное время. Потом он примет душ, контрастный, горячий холодный, и, накинув халат, выйдет из ванной и сварит две чашечки кофе, сделает несколько бутербродов с черной икрой. Кофе бодрит, икра укрепляет мужские силы, которые наверняка понадобятся сегодняшним вечером. Затем примет душ Катя, а он тем временем откроет шампанское и положит в хрустальную вазочку маслины. Катя любит маслины к сухому шампанскому. Странный вкус. Но со вкусами женщин Волкер привык считаться.

Какое шампанское лучше пить зимним московским вечером? – спросил себя Волкер, пропуская Катю вперед, в тамбур подъезда, шагнул вслед за ней, потянулся к ручке другой

двери. «Дон Периньон» – вот какое шампанское лучше всего пить в такую погоду и в это время суток. Подержать его минут двадцать в ведрке с колотым льдом, но не в коем случае не в морозильнике. Иначе холод перебьет благородный вкус выдержанного шампанского, можно не ощутить не почувствовать брожения живого винограда.

Волкер распахнул вторую дверь и шагнул следом за Катей. Он решил, что вместо маслин к шампанскому лучше пойдут консервированные крабы в собственном соку. Так он и сделает, откроет крабы, Кате наверняка понравится. Занятый своими мыслями, Волкер машинально отметил, что на ступеньках, ведущих к лифту, сидят два грязных подозрительных мужчины. Один какой-то чумазый в красной вязаной шапочке, другой – верзила, в фуражке с треснувшим козырьком. Волкер подумал, что прежде в этом тихом подъезде сомнительные личности ему не попадались. Катя, прежде чем начать подниматься вверх, на секунду застыла в нерешительности, но, переборов себя, прошагали три ступеньки и снова остановилась.

* * *

Мужчина в красной шапочке поднялся со ступеньки и, сохраняя молчание, потянулся рукой к Кате, инстинктивно отступившей за спину Волкера. Чумазый мужичок кистью правой руки сжимал горлышко пустой бутылки из-под водки, на дне которой ещё плескались слюнявые недопивки. Разглядывая эту бутылку в руке незнакомца, Волкер тоже сделал шаг назад, но отступить было некуда. Еще не поздно спастись позорным бегством, – пришла мысль, но тут же исчезла. Кого бояться, от кого бежать? Этот тип с бутылкой довольно хлипкого сложения, вдобавок он ниже Волкера на полголовы. И, тем не менее, опасность вот она, рядом, Волкер чувствовал это влажной спиной.

– Дяденька, а дяденька, домажь на бутылку, – обратился к Волкеру насквозь пропахший водкой и грязью чумазый мужичонка.

Воронин казался значительно старше Волкера, но почему-то обращался к иностранцу как к старшему «дяденька», тянул за рукав пальто, словно собирался куда-то увести.

– Я есть иностранец, америкен, – сказал Волкер, почти исчерпав этой короткой фразой весь запас русских слов.

Он лихорадочно воскрешал в голове другие слова, но вспоминались совершенно бесполезные в данном случае «балалайка» и «медведь». Волкер обернулся к Кате, взглядом призывая её самой объясниться с незнакомыми людьми на их родном языке. Но Катя, округлив глаза, остолбенело молчала, её ротик оставался полуоткрытым. Волкер посмотрел на чумазого мужичка, стараясь вытащить рукав пальто из его цепких как клещи пальцев, но рядом на расстоянии шага уже стоял верзила в морской фуражке, похабно ухмыляясь, качал головой и недобро шурился. Волкер собрал все свое мужество.

– Я есть иностранец, – сказал он каким-то не своим, очень тонким, вибрирующим голосом.

– Он говорит, что он есть иностранец, – повторил за Волкером тот, что в красной шапочке.

– А иностранцы что, водку не пьют? – удивился верзила. – Тогда зачем же они сюда приезжают? Девоч наших лапать?

Волкер понял лишь слово «водка» и снова выразительно посмотрел на Катю, хотел попросить у неё перевести слова незнакомцев, но не успел рта раскрыть. Мужчина в фуражке съездил иностранцу кулаком в левое ухо. Волкеру показалось, что в голове его лопнул какой-то сосуд, наверняка очень важный, а мозги попросту перевернулись.

Он неловко отступил в сторону к почтовым ящикам и пропустил второй удар, в другое ухо, подвернул ногу и чуть было не растянулся. Мужчина в красной шапочке мертвой хваткой

вцепился в лацканы его пальто, с силой дернул за них, черные пуговицы разлетелись в разные стороны, запрыгали по бетонному полу.

– И чего эти иностранцы сюда прут? – возвысил голос верзила в фуражке. – Их ждут, что ли здесь? Приглашают?

– Ты его приглашала? – мужичок в красной шапочке, отпустив пальто Волкера, подскочил к Кате, дернув за рукав шубки, обдал сивушным запахом, заглянув ей в глаза своими без видимой причины злобными, похожими на мелкие угольки глазками.

– Ты, сука, его сюда приглашала?

Переводчица получила такую хлесткую пощечину, что половина её лица сделалась багровой, мир поплыл перед глазами, наполнившись влагой. Волкер с разбитым окровавленным лицом, забыв в эту секунду об осторожности, хотел уже кинуться на обидчика с кулаками, хотел что-то сделать, но вместо этого, беззвучно шевеля губами, остался стоять у почтовых ящиков. Он не мог, не имел права спастись бегством, оставив Катю в руках озверевших хулиганов, но и оставаться здесь он тоже не мог.

Волкер дернулся вперед, вырываясь из медвежьих объятий Смирнова, выскользнул из широкого пальто, упавшего к его ногам и остался в сером шерстяном костюме. Но тут Волкер получил новый удар в лицо. Следует кричать, кричать как можно громче, звать людей на помощь. Здесь убивают подданного Соединенных Штатов, гражданина великой страны, значит, люди просто обязаны помочь.

– Хорошо, – во все горло заорал Волкер, перепутавший значения слов «хорошо», «плохо», «больно» и «убивают».

– Ах, хорошо, – орал он. – Хорошо, а-а-а-а, хорошо.

Потеряв ориентировку, Волкер в забрызганном кровью костюме, метался по парадному, то и дело натываясь, то на кулак Смирнова, то на кулак Воронина.

– А-а-а, ха-ра-ша, – орал Волкер. – Плиз, плиз, хорошо. Ух, ура, ха-ра-ша. Ура.

Егоров, разглядывая в бинокль освещенное люминесцентными лампами парадное, сжимал зубами фильтр сигареты. «И чего они так долго возятся?» – спросил он вслух самого себя. Он выплюнул недокуренную сигарету на снег и снова приблизил бинокль к глазам.

Вот Смирнов схватил Волкера за лацканы пиджака, прижал иностранца к стене, ухватив за волосы, несколько раз ударил затылком о жестяные почтовые ящики. Волкер, извиваясь всем телом, сумел высвободиться и тут же получил кулаком в грудь от выскочившего как из-под земли Воронина. Егоров и, включив зажигание, подал машину задним ходом за угол трансформаторной будки.

Волкер, чувствуя что, вот-вот потеряет сознание, окончательно лишится чувств и рухнет мешком на пол, на котором его, ещё живого, добьют ногами, разорвут на куски эти звери, эти бандиты, вложил весь страх, все свое отчаяние в последний, возможно, предсмертный крик о помощи.

– Ха-ра-шо, – заорал он нечеловеческим голосом – Плиз, плиз, хорошо, о-о-о-о, хорошо.

Застывшая у дверей переводчица наблюдала за своим ухажером и работодателем пустыми глазами.

– Хорошо, хорошо, – блажил Волкер.

– Дурак, Боже мой, какой дурак, ничтожество, – прошептала переводчица, раскрыла ладони и уткнулась в них уже влажными щеками.

– А-а-а-а-а, хорошо, – захлебывался криком Волкер.

Удары, не слишком сильные, но чувствительные, сыпались на него, уже стоящего на коленях. Бандитское нападение закончилось так же неожиданно, как и началось. Преступники исчезли, как по команде, оставив после себя тяжелый сивушный дух и разбитую о ступеньки бутылку. Волкер, ползая на коленях по полу, старался стереть с лица кровь рукавом пиджака.

Никого. Бандиты исчезли. Ушла и переводчица.

– Ах, хорошо, – прошептал Волкер и, лишившись чувств, упал лицом вниз.

Тихо скрипнула чья-то дверь на первом этаже. Разбуженные диким криками Волкера жильцы, снова погружались в сон.

– Чего он там кричал-то? – спросил Егоров, трогая машину.

– Сам толком не понял, – пожал плечами Смирнов и закричал на заднем сиденье, стягивая с себя плащ. – Вроде, понравилось этому Волкеру, что его лупят. Я так понял, что ему понравилось.

* * *

Ларионов уже расположился за столиком жарко натопленной закусочной «Три краба», съел салат из морской капусты с орехами и выпил кружку пива. Хотелось, чтобы предстоящая встреча с теперешним мужем Веры адвокатом Максименковым была короткой и деловой. Просто мужской разговор без сантиментов и занудства. Сквозь витрину Ларионов разглядывал серую уличную панораму и скучал. Беззвучный снег все летел и летел, пешеходы все торопились куда-то. Ларионов никуда не торопился. Он вытянул ноги, придвинул к себе кружку пива и картонной подставке.

Старый год давно закончился, да и зима уже на исходе, скоро первые оттепели, а за ними... Весна, само собой. Ларионов выдохнул табачный дым и от нечего делать стал вспоминать, какие важные значительные дела успел переделать в ушедшем году, какие задумки удалось осуществить. Купил добротное и не очень дорогое зимнее пальто. Это раз. Еще помог устроить дочку знакомого в престижную спецшколу. Это все? Нет, что-то ещё успел сделать. Так, пальто он уже считал. И дочку знакомых тоже считал. Так что же еще? Ларионов ворошил в памяти события прошлого года, но ничего важного почему-то не вспоминалось.

Всякий раз он мысленно возвращался к событию второстепенному, покупке этого пальто. А ещё в ателье пошил брюки, какие-то дурацкие брюки в обтяжку, как у голубого. Только приличный материал извел и деньги. Эти негодные брюки Ларионов, конечно же, не носил, забросил на самое дно платяного шкафа. Нет, пошив брюк, да ещё таких позорных, за дело не считается. Он отпил пива из пол-литровой кружки, решив больше не предаваться воспоминаниям.

Прошедший год не самый удачный в жизни, далеко не самый удачный.

– Можно приземлиться? – массивная фигура Льва Петровича Максименкова загородила свет дня.

Не поднимаясь с места, Ларионов пожал руку адвоката.

– Жарковато тут, – стул скрипнул под тяжестью нового посетителя. – Но местечко неплохое, уютное, здесь можно покалякать.

Лев Петрович заказал у подоспевшего официанта большую рюмку светлого туземского рома, кружку пива и салат с креветками.

– А погода на улице того, – продолжал адвокат, занятый своими наблюдениями. – Снежок.

Ларионов хотел заметить, что планировал посвятить встречу с Львом Петровичем не обмену мнениями о капризах погоды, а какому-то более важному вопросу, но передумал. Не стал начинать общение с колкостей.

– В данный момент я должен находиться на службе, – сказал Ларионов. – Понимаю, – кивнул адвокат. – Кстати, сейчас вы, опять работаете над интересным материалом?

– Очень интересным, – Ларионов глотнул пива. – Просто гвоздь сезона. Хочу выступить с предложением переоборудовать летние теннисные корты в зимние. Вместо гравия лед, а теннисисты на коньках. В газете под моим патронажем разворачивается целая дискуссия, что-то вроде всенародного обсуждения. Выступают тренеры, спортсмены, все заинтересованные стороны.

– Занятно, занятно, – адвокат понюхал ром и одобрительно хрюкнул. – Надо же, теннис на льду. Значит, сейчас вы без работы не сидите?

– Не сижу, чего-чего, а работы всегда хватает, – Ларионов заказал себе ещё одну кружку пива. – А вам, наверное, Вера сообщила, что в газете я перебиваюсь всякой халтурой, поденщиной?

– Да, что-то в этом роде говорила, – адвокат на секунду задумался. – Я не прислушиваюсь к мнению женщин, когда дело касается мужской работы. Вера просто сказала, что вы задули свою свечу.

– Чего-чего задул? – не понял Ларионов. – Какую ещё свечу задул?

– Это образное выражение, – видимо, адвокат жалел о своих словах. – Вере кажется, что вы не в полную силу используете свой талант. Эту точку зрения жены я совершенно не разделяю, – по интонациям адвоката Ларионов понял, что тот, напротив, разделяет точку зрения жены целиком и полностью.

– Но вроде бы мы тут встретились по другому поводу? Не для обсуждения этой лабуды о талантах и, так сказать, их поклонниках. Вы ведь хотели поговорить о моем сыне, о Славике?

– Да, – кивнул адвокат, – то есть и, да и нет. Вера передала мне содержание вашего с ней последнего разговора. Вы не хотите отказываться от отцовских прав на Славика, – последние слова Лев Петрович произнес с грустью. – И не согласитесь ни на какие компромиссы?

– Не соглашусь.

– Я уважаю ваше решение, хотя предпочел бы, чтобы оно было иным.

Ларионов, обескураженный словами адвоката, разглядывал шапочку пивной пены в кружке. Такого поворота событий он не ожидал. Думал, нахрапистый адвокат станет переть как танк, давить на психику, вытаскивать все новые аргументы в свою пользу, убеждать, переубеждать и морочить голову до последнего.

– Ваш сын по своему привязался ко мне, – сказал Максименков. – У нас хорошие дружеские отношения. Но не смотря ни на что родным отцом ребенку я все равно не стану.

– Значит, тема исчерпана и закрыта? – в эту минуту адвокат казался Ларионову неплохим, даже симпатичным человеком.

– Исчерпана, – Максименков позвал официанта, заказал две большие рюмки туземского рома.

А Максименков, в сущности, хороший мужик, только с Верой ему несладко придется. Даст ему Вера дрозда за уважение к чужому решению. Скажет: эх ты, отступился от ребенка, не мог, тряпка, на своем настоять и так далее. Ларионов даже посмотрел на адвоката с жалостью, поблагодарил официанта и принялся к запаху рома. Адвокат выпил и зажмурился то ли от горечи, то ли от удовольствия.

– Я знаю, в газете вы зарабатываете не то чтобы много, – Максименков скрипнул стулом. – Если есть желание подработать, могу помочь. – Какую-нибудь рекламную статейку напечатать на заказ?

– В вашей газете выходит хроника недельных происшествий. Ведет эту рубрику некий Кузин. Он ведь ваш друг? Мне Вера рассказывала. В его обзорах фигурируют всякие громкие события. Кого-то взорвали в машине, кому-то голову отрезали бензопилой, кого-то топором изрубили. Страсти такие, что волосы на заднице дыбом встают. Но про такие штучки людям читать нравится, поэтому у вашей газеты тираж большой. А тут приключилась одна мелочь. В подъезде собственного дома тяжкие телесные повреждения нанесли одному мужику, заместителю директора крупного столичного магазина по фамилии Розов. Бедро сломали монтировкой и правую руку. Нельзя ли этот факт осветить в обзоре преступности за неделю? Буквально несколько строк.

– Факт действительно мелковатый. Таких случаев море.

– Зато гонорар не мелковатый.

Лев Петрович назвал сумму. Ларионов присвистнул.

– Вообще-то я работаю в газете не из-за денег, – сказал он, ощущая в голове странный шум после выпитого с пивом рома. – Из-за творческого удовлетворения работаю.

– Гонорар можно и увеличить, – Лев Петрович улыбнулся. – Творческое удовлетворение – это всего-навсего выброс в кровь эндорфина, наркотика, который синтезирует сам наш организм. Вы, скажем, хорошо потрудились, и организм как бы поощряет вас, вырабатывая эндорфин. Это и есть творческое удовлетворение. А услуга, о которой я прошу, этих денег стоит.

Ларионов снова принялся считать дни до полочки, но сбился со счета.

– Но давайте поконкретнее.

– Пару дней назад в подъезде своего дома избит некто Розов Николай Семенович, – повторил адвокат. – Нужно помянуть этот факт, а дальше написать, что по сведениям из конфиденциальных источников, Розов личность более чем сомнительная, он тесно связан с московской мафией, а его избиевание не случайность, а очередная разборка. Сейчас пострадавший находится в больнице номер, – адвокат записал на салфетке номер больницы, адрес и название магазина, в котором работал Розов-старший, передал бумажку Ларионову. – И ещё нужно добавить, что этот друг опасается за свою жизнь, боится, что мафия окончательно сведет с ним счеты, уже в больнице. Источник информации вы имеете право не называть. По рукам?

– По рукам, – Ларионов протянул ладонь адвокату. – А в чем тут ваш интерес?

– Личного интереса нет. Один мой клиент заинтересован в этой информации. Честный человек, за него отвечаю, как за самого себя, – адвокат улыбнулся, вытащил из кармана почтовый конверт и потянул собеседнику. – Вот гонорар.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.